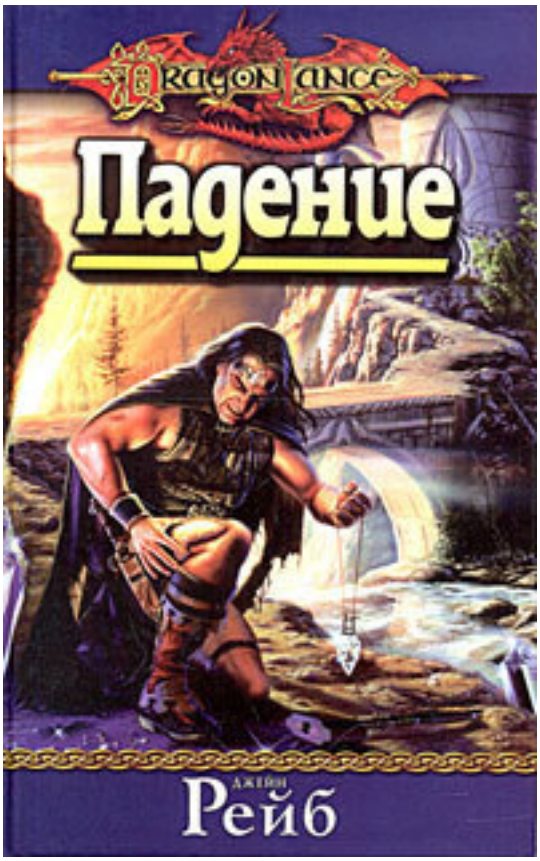
DRAGONLANCE
Падение
Джейн
Рейб

Сага о Дамоне

Джейн Рейб

Падение

2000

Рейб Д.

Падение / Д. Рейб — 2000 — (Сага о Дамоне)

Дамон Грозный Волк, некогда Рыцарь Тьмы, а позже – борец с драконами-владыками, соратник Палина Маджере, встал на путь преступлений, забыв о старых друзьях и слове «честь». Но в грозным час, когда Великие Драконы Кринна близки к тому, чтобы обрести почти безграничную власть и уничтожить любое сопротивление, он должен найти в себе силы искупить свои преступления и остановить собственное ПАДЕНИЕ.

© Рейб Д., 2000

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 28
Глава 4 40
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Джейн Рейб
Падение
(Сага о Дамоне-1)

Глава 1
Ценное приобретение

– Может быть, дракон просто пожевал тебя, а потом выплюнул? – поинтересовался Риг Мер-Крел. Он стоял, прислонившись к косяку двери, и смотрел на забинтованного человека, который лежал на кровати.

Мореход хмурился не потому, что не получал ответа, и не потому, что ему было жаль раненого, который вызывал в нем лишь небольшое смущение, но от запаха, заполнившего маленькую палату. Несмотря на то, что Риг пытался не делать глубоких вдохов, запах проникал в ноздри и рот, оседая на языке отвратительным привкусом.

«На какие только гадости не способна жара», – подумал он с отвращением.

Стояла середина исключительно жаркого лета, месяц, который здесь называли «Сушь», – воздух в палате был спертым, и одежда Рига, пропитанная потом, прилипала к телу. Легкий ветерок, гулявший на улице, не мог пробиться сквозь узкую щель меж неплотно прикрытых ставен, но Ригу не хотелось идти вглубь пропитанной тяжелым духом палаты и открывать окно. Он решил, что все равно скоро уйдет, поэтому обойдется без этого, а уж раненый, лежащий на кровати, – тем более.

– Странно, что в таком большом госпитале для тебя не нашлось койки по размеру. Да и палата маленькая и на удивление… – Риг фыркнул, пытаясь избавиться от запаха, назойливо лезущего в ноздри, – вонючая. А может быть, лекари тебя просто невзлюбили?

Из всех частей тела раненого свободными от бинтов оставались только голова и ноги, которые свешивались с короткой кровати, почти до поношенных сапог, стоявших рядом на застиранном коврике. Мореход сделал несколько шагов и склонился над лежащим, вглядываясь в его лицо. Высокие скулы и лоб мужчины были покрыты потом, загорелая кожа побледнела – он выглядел изможденным, как будто несколько дней не ел. Тонкий, в форме полумесяца, шрам – Риг не мог припомнить, был ли он раньше – сбегал от правого глаза раненого и исчезал в иссиня-черной неровно подрезанной и спутанной бороде. Борода и такого же цвета всклокоченные волосы казались пятном чернил, разлитых по белой подушке. Раненый судорожно дергался во сне, глаза под закрытыми веками беспокойно двигались, челюсти сжимались, длинные пальцы комкали одеяло.

Ригу показалось, что запах наполнил его внутренности до отказа, он отступил на несколько шагов и закашлялся в бесполезной попытке очистить легкие.

– Не понимаю, ты уже привык, что ли? – заявил мореход, отдышавшись, хотя давно понял, что раненый его не слышит, потом пожал широкими плечами и продолжал говорить сам с собой: – А чего ты ожидал? Железный Шип – город гномов, поэтому неудивительно, что вся мебель здесь гномского размера. – Он дотронулся до спинки маленького стула, на котором более-менее аккуратно были развешаны остатки одежды мужчины, превратившейся в лохмотья. – Мне сказали, что тебя кто-то на совесть отделал.

– Наиболее вероятно, что это сделала большая горная кошка, – раздалось из-за спины морехода.

Риг оглянулся и увидел стоящую в дверях маленькую женщину в сером платье, явно принадлежащую к роду гномов. Ее волосы были стянуты на затылке, румяное лицо испещрили

глубокие морщины. Маленькие глазки женщины сердито сузились, она впилась взглядом в темнокожего посетителя и, нетерпеливо постукивая ногой, заявила:

– Здесь нельзя находиться посторонним!

Тон гномши был строгим, и с каждым словом, словно ставя после него точку, она взмахивала пальцем перед носом морехода.

– Как он? – спросил Риг, изобразив свою самую обаятельную улыбку.

Но лицо женщины не смягчилось.

– Раны твоего друга не так уж глубоки, но многочисленны. Он был без сознания, когда его нашли на окраине города этим утром, и не приходил в себя с тех самых пор, как с него сняли эти лохмотья.

Мореход тихонько присвистнул и всплеснул руками:

– А когда он…

– Очнется? – Теперь пришла очередь гномши пожимать плечами. – Еще день, может быть, два. Трудно сказать. – Ее резкий голос напомнил Ригу скрежет гравия в ведре, и это нравилось ему все меньше и меньше. – И если он действительно придет в себя, то мы, вероятно, продержим его здесь еще несколько дней, чтобы удостовериться, что тварь своими когтями не занесла ему какой-нибудь заразы. Ему очень повезло, что у нас нашлась свободная палата.

– Не думаю, что он считает так же, – пробормотал Риг себе под нос и сказал уже громче: – Но ведь в таком госпитале должно быть не меньше дюжины палат…

Глаза гномши потеплели.

– Наш госпиталь – самый большой к востоку от Халькистовых гор. Только на этом этаже расположены две дюжины палат, но все они заполнены до отказа.

– И всех поцарапали горные кошки?

Она раздраженно покачала головой и выпустила воздух из легких с тем звуком, какой бывает, если чайник слишком долго продержать на огне.

– Мне очень жаль, но не на всех наших пациентов нападали животные. Несколько дней назад Рыцари Стального Легиона столкнулись с отрядом гоблинов в нескольких милях от города, и теперь в каждой из палат не менее дюжины раненых.

Риг повернулся к женщине спиной и вновь стал смотреть на раненого.

– И наши кровати вовсе не гномского размера, – продолжала та. – Эта палата предназначена для детей и освободилась вчера днем. Юноша, который лежал здесь, полностью оправился от люэса. – Глаза гномши замерцали каким-то внутренним светом, и она почти улыбнулась. – Хороший был парень. Мы сожгли простыни, сделали уборку и…

– Ха! – Риг, наконец, заметил, что стены палаты выкрашены пастельно-голубой краской и покрыты на уровне пояса взрослого человека неумелыми рисунками, изображающими лягушек и кроликов.

Бледно-оранжевый луч заходящего солнца скользнул сквозь щель в ставнях и осветил перевернутую корзину, на которой сидела одноглазая тряпичная кукла с жидкими волосами из пряжи. Рядом с корзиной лежали солдатики, вырезанные из кукурузных початков, и раскрашенные деревянные кубики. В палате была еще одна кровать, поменьше. Сейчас она пустовала, накрытая стеганым одеялом с розовыми и желтыми котятами.

Мореход снова усмехнулся:

– То-то Фиона удивится, когда увидит это. Заодно и раненых рыцарей посетит, раз уж мы все равно здесь.

– Если тебе интересно, то рыцари победили, – добавила гномша, притопнула громче и снова фыркнула. – А тех гоблинов, что остались в живых, увезли…

– Должно быть, все эти раненые заставили ваших целителей серьезно потрудиться. Думаю, они совсем вымотались, пока творили свои заклинания.

Риг не видел, что гномша возмущенно уперла руки в бока, но не услышать звук перекипевшего чайника не мог.

– У нас нет целителей, сударь, вообще никого, кто использовал бы магию. На сотни миль вокруг не встретишь одаренных. Впрочем, мы и не нуждаемся в них. Мы знаем, как следует ухаживать, очень хорошо знаем, к нам отправляют заболевших и раненых жители всех близлежащих деревень. Здесь есть умельцы, которые делают сильные припарки из трав, и…

«Ах, так вот откуда этот замечательный аромат!» – подумал Риг.

– …это помогает ничуть не хуже любой магии. А может быть, даже лучше.

Мореход хмыкнул, выражая согласие.

– Твоему другу обеспечен должный уход. Мы только хотели бы знать, что делать со штукой у него на ноге. Может, попробовать ее завтра удалить?

– Это драконья чешуя, – глухо ответил Риг, поскольку именно в этот момент склонился над раненым и задержал дыхание. – Лучше ее не трогать.

Раненый стонал и дергался, как будто в муках лихорадки, его пальцы скребли белое полотно простыни. Мореход отступил от кровати и вернулся к женщине.

– Я не ожидал, что мы так быстро найдем его. Фиона слышала, что он находится где-то около Железного Шипа, поэтому, когда мы оказались поблизости, решила разыскать его. И вот я здесь. Она позаботится о лошадях, а затем…

– … Не войдет сюда, – закончила за него гномша. – Время посещения закончилось больше чем час назад, и для здоровых двери госпиталя закрыты. Если бы ты потрудился прочитать надпись на дверях, ты бы знал это. Внизу видели, как ты проскользнул через боковой вход, и я пришла, чтобы выдворить тебя отсюда. Посещение разрешается с полудня. Ты и…

– Фиона…

– …и Фиона можете приходить к этому времени. – Женщина вернулась в холл и указала на дальнюю дверь. – Может быть, твоему другу станет лучше.

– Я никогда не считал Дамона Грозного Волка моим другом.

Риг вежливо кивнул гномше и удалился, громко топая подкованными сапогами.

Когда его шаги затихли, из-под пустой кроватки выскользнула тень и приблизилась к Дамону.

– Меня уже посетила мысль, что этот человек никогда не уйдет, – хрипло прошептал незнакомец; его голос звучал подобно горячему бризу, ласкающему песок. – Это же надо! Стоит в дверях, смотрит на тебя и несет какую-то чепуху! А потом еще явилась эта низкорослая особа и начала действовать на нервы! Свиньи! Где были его манеры? Он даже не удосужился принести тебе цветов или конфет!

Незнакомец был закутан в глухой серый плащ, настолько темный, что казалось, будто клочок ночного неба покинул свое место среди звезд и посетил маленькую палату томского госпиталя. Из-под низко надвинутого капюшона раздался звук, точно незнакомец принюхивается:

– Уф… Ну и аромат здесь…

Дамон открыл глаза и слегка улыбнулся, прервав излияния позднего посетителя:

– К этому не так трудно привыкнуть…

Тонкая рука выскользнула из широкого рукава и метнулась к капюшону, словно ее обладатель торопился прикрыть рот и нос; раздалось приглушенное:

– Неправда, к этому невозможно привыкнуть. Хорошо, что это тебе, а не мне приходится лежать здесь, Дамон Грозный Волк. Уф!

– Как там Мэл? – Дамон рискнул сменить тему разговора.

– Он со своим уродцем в городе, и сегодня ночью они будут поблизости. И я тоже. Все идет, как мы и планировали.

Странный посетитель вытащил из складок плаща маленький кожаный мешочек, опустил его в сапог Дамона и тихо выскользнул в холл.

Незадолго до полуночи Дамон поднялся; некоторое время потягивался и растирал занемевшие после дня, проведенного на короткой кровати, икры, потом возле двери долго прислушивался к ночной жизни госпиталя.

Но ничто не нарушало покоя, кроме его собственного напряженного дыхания да изредка стонов, доносящихся из других палат; никто за ним не следил, казалось, даже сиделки, наконец, заснули.

В холле как раз была смена часовых Стального Легиона. Это значило, что через несколько минут рыцари уйдут обходить первый этаж – три медленных, привычных круга – бдительно охраняя своих раненых братьев. Дамон чутко прислушивался к происходящему в госпитале с тех пор, как его привезли на рассвете, и имел представление о монотонном, рутинном укладе Стального Легиона. Он знал, что у него есть примерно полчаса на то, чтобы выполнить задуманное, – и этого времени более чем достаточно.

С этими мыслями Грозный Волк подошел к окну, широко распахнул ставни и втянул теплый душистый воздух, который хоть на время перебил отвратительный запах лечебного бальзама, испятнавшего все его тело. Дамона занимал вопрос: как должно быть измучено живое существо, чтобы переносить лечение, причиняющее страданий больше, чем сама болезнь?

Отдышавшись, он вытянул шею, проверяя, нет ли кого на улице. Но все было тихо, лишь из таверны, расположенной неподалеку, доносились неясные звуки приглушенной музыки и фальшивого пения. Тогда Дамон начал разматывать бинты, открывая лунному свету стройное, мускулистое тело, блестящее от пота: широкую грудь, подтянутый живот, крепкие ноги – и глянцевито-черную, мерцающую в холодных лучах серебром чешуйку драконицы Малистрикс, вросшую в правое бедро. И все это великолепие, а особенно кожа вокруг чешуйки, было испещрено глубокими царапинами. Только лицо Грозного Волка, заострившееся, но все равно сохранившее красоту, несмотря на взлохмаченные волосы и неопрятную бороду, избежало когтей твари, исполосовавших его тело.

Дамон, по мере возможности, обтер чистыми краями бинтов отвратительно пахнущий бальзам с рук и лица и бросил еще один взгляд в окно.

Однако теперь снаружи не было пустынно. Зоркие глаза Грозного Волка различили невысокую фигурку, ковыляющую по высохшей от жары лужайке перед госпиталем. Он вглядывался до тех пор, пока не убедился, что это перебравший гном, бредущий зигзагами, – очевидно, домой. Когда тот, наконец, обнаружил мостовую и довольно шустро удалился за угол, то почти сразу за этим из дверей появились часовые Стального Легиона, начав первый круг обхода. Дамон отошел от окна и принялся одеваться, попутно отметив, что его одежда пришла в негодность: износилась и полиняла так, что давно должна была занять свое достойное место на свалке; даже кожа жилета местами потрескалась.

Покончив с этим, он вытащил из сапога кожаный мешочек, но обуваться не стал, решив, что босиком наделает меньше шума. Оставив сапоги на коврике у кровати, Грозный Волк вернулся к окну, тщательно закрыл ставни, затем подошел к двери и снова прислушался к звукам, доносящимся из-за нее, но все было спокойно.

– Замечательно, – шепнул он себе под нос, выскользнул в зал и на цыпочках пошел вдоль стены с развешанными на ней через равные промежутки фонарями. На ночь их погасили, оставив только один, да и в том фитиль был прикручен почти до отказа, так что проку от него было мало.

Дамон крался мимо открытых дверей палат, попутно заглядывая внутрь. Рыцари стонали во сне: многие были ранены тяжело, и повязки скрывали их тела почти полностью; у некоторых не хватало руки или ноги. Когда он проходил мимо двери с надписью «Сиделки», из-под кото-

рой просачивался мягкий свет, то услышал приглушенные голоса двух гномов. Грозный Волк прислушался и довольно легко разобрал, что те обсуждают состояние кого-то из пациентов. Это никак не могло ему повредить, и Дамон пошел дальше.

Мгновением позже он достиг широкой лестницы, погруженной в темноту, неслышно, по-кошачьи ступая, поднялся по ступеням и оказался в холле, едва освещенном неверным, призрачным светом единственного фонаря. Дамон приостановился, но холл был пуст, никто не пытался задержать его. Тогда Грозный Волк двинулся к противоположному концу помещения – из разговора, подслушанного возле комнаты сиделок, он знал, что цель его путешествия находится именно там.

Внезапно он снова остановился и вжался в стену, пытаясь слиться с зыбкими тенями, – дверь ближайшей палаты неожиданно с грохотом отворилась, и появился молодой гном с бадьей, полной окровавленных бинтов. Он, ворча что-то под нос на гномском языке, прошел в нескольких шагах от Дамона, но не заметил его, поскольку не отрывал глаз от своей ноши. Почуять Грозного Волка он тоже не мог – запах, стоящий в палате, которую он только что оставил, мог притупить самое острое обоняние.

Когда гном скрылся из виду, Дамон заглянул в палату, из которой тот вышел, удостовериться, что никто из ее обитателей не сможет помешать его планам. Он увидел дюжину рыцарей с самыми разнообразными ранениями, вытянувшихся на кроватях. Воздух в палате был густо пропитан тяжелым запахом бальзама, который казался еще отвратительнее, смешавшись со смрадом омертвелой плоти и еще не свернувшейся крови. Грозному Волку показалось, что раненый на ближайшей к двери кровати не дышит и над ним уже витает сладковатый аромат смерти, который Дамону не раз приходилась ощущать на полях битв. Возможно, именно это послужило причиной плохого настроения гнома-санитара. Однако ничего из увиденного не отвратило Грозного Волка от его цели. Только сейчас он заметил, насколько мрачно и душно в холле: из палат неслись хрипение, стоны, кашель и храп, отражаясь от стен и заставляя волосы на затылке шевелиться. Каждый шаг давался с трудом: гладкие плиты пола были покрыты чем-то скользким, возможно кровью или потом, а может быть, просто остатками воды, которыми эти кровь и пот смывали.

Наконец Дамон дошел до конца холла и остановился перед закрытой дверью. Он был уверен, что достиг цели, поскольку это была единственная дверь на этаже, которая могла похвалиться тяжелым замком, соединяющим железные перекладины.

Грозный Волк развязал кожаный мешочек, принесенный поздним визитером. Фонарь остался далеко позади, и ему приходилось полагаться только на свои чуткие, тренированные пальцы, чтобы выбрать среди других предметов, лежащих в мешочке, необходимое. Опустившись на колени перед дверью и сдерживая рвущееся из груди дыхание, Дамоном вытащил две тонкие металлические отмычки и принялся за дело. Его ладони вспотели, металл норовил выскользнуть из пальцев, но Грозный Волк не сдавался и скоро был вознагражден за свои старания слабым щелчком. Он придержал замок рукой, чтобы тот не ударил в дерево, осторожно вынул его из проушин, положил на пол и вздрогнул – по холлу прокатился громкий, хриплый стон, сменившийся тяжелым кашлем. Затем все стихло. Дамон переждал несколько мгновений, затем отвел металлические полосы и повернул дверную ручку.

Дверь не поддавалась. Грозный Волк нахмурился, потому шепотом выругался:

– Проклятие! Им было мало навесного замка!

Он попытался вставить отмычки в замочную скважину, но одна из них выскользнула из его влажной, уже начавшей подрагивать руки и с резким звоном ударилась о плиты пола. Дамон замер, пытаясь не дышать, – он был уверен, что на звук сейчас сбежится половина служителей госпиталя. Но ему повезло и на этот раз. Тишину нарушал лишь храп, приглушенные стоны да иногда под чьими-то тяжелыми телами скрипели кроватные пружины. Тогда взломщик вытер

ладони о штаны, подобрал отмычку и, ругая себя за неуклюжесть, возобновил попытки открыть замок.

Ему казалось, что прошло много часов, прежде чем второй замок, наконец, сдался. Дамон убрал отмычки в мешочек, вытер руки о штаны и только тогда повернул ручку. За дверью царила тьма. «Будь они неладны, эти человеческие глаза!» – подумал Грозный Волк, но сдаваться в последний момент, после всего что он вытерпел, было неразумным.

На цыпочках, чтобы не привлечь внимания раненых, а главное, многочисленных сиделок, он вернулся в холл, бдительно следя, не появится ли еще кто-нибудь, – тем, что несколько минут назад гном-санитар не заметил его, Дамон был обязан только случаю.

Добравшись до лестницы, он быстро снял со стены зажженный фонарь и так же тихо вернулся обратно. Только проскользнув в комнату и плотно прикрыв за собой дверь, Дамон смог вздохнуть с облегчением. Он подкрутил фитиль и осмотрелся. Это была лишенная окон кладовая со всеми положенными такому месту атрибутами: полками, тянущимися вдоль стен от пола до потолка, и сухим, спертым воздухом, пахнущим пылью. Грозный Волк поднял фонарь повыше и пробежал взглядом по полкам. Здесь было множество полезных предметов – от ларцов и сумок до кожаных мешочков и кошельков. И во всех, как подозревал Дамон, были звонкие монеты. Более того, кладовая была просто до отказа забита добром, так что для взломщика в ней оставалось совсем мало места. Каждый предмет был снабжен биркой с именем владельца. Очевидно, сюда их собрали, чтобы защитить имущество рыцарей от воров, поскольку пробраться в палаты было куда проще, чем в эту кладовую, а ограбить раненого или больного, пока он не может дать отпор, – еще легче. Это была удачная идея: когда больные выздоравливали, они могли получить свое имущество в целости и сохранности, а если поправиться им было не суждено, то оно могло храниться до тех пор, пока не явятся безутешные родственники.

Тут Дамон широко улыбнулся – он заметил, что низкорослые гномы для собственного удобства пристроили к полкам лестницы. Это почему-то развеселило взломщика – человек, да еще высокий, мог прекрасно обойтись и без них. Снова сосредоточившись, он прикинул, что с тех пор, как он вышел из своей маленькой палаты, прошло около десяти минут, а, следовательно, оставалось еще минут двадцать. Этого времени ему должно было хватить.

Установив фонарь на полу, Дамон начал открывать один мешочек за другим, стремительно перебирая их содержимое. По большей части это были перстни с драгоценными камнями, хотя попадались и толстые золотые и серебряные цепи, принадлежавшие, скорее всего, наиболее состоятельным рыцарям. Встретилось ему и несколько женских украшений, среди которых выделялся красотой старинный гарнитур, усыпанный крошечными жемчужинами, и тонкой работы длинная булавка для плаща. Эти драгоценности принадлежали либо женщинам-рыцарям, либо были подарены мужчинам женами и возлюбленными – на память. Особенно его порадовал маленький бархатный кисет, наполненный россыпью черного жемчуга, поскольку в оставшихся мешочках были в основном монеты. Когда Дамон разворошил груду мешочков и кошельков, то увидел за ней большой кожаный мешок и еще два поменьше – заплечных, в одном из них до сих пор торчала сломанная стрела. Стараясь не шуметь, Грозный Волк снял с полки два – большой и тот меньший, который был без стрелы, затем поднес фонарь поближе и раскрыл большой мешок. В нем оказался аккуратно сложенный запасной плащ с эмблемой Стального Легиона. Отложив плащ, Дамон заглянул в заплечный – в нем лежала какая-то одежда. Содержимое обоих мешков он вытряхнул, затем вернулся к полкам, на этот раз действуя быстрее.

Скоро один из заплечных мешков оказался набитым кольцами и браслетами, кошельками со стальными монетами, небольшими кинжалами с украшенными драгоценными камешками рукоятями и множеством ценных безделушек. Все это Дамон переложил тканью плаща так, чтобы вещицы не звенели друг о друга. Остальные ценности он спешно покидал в большой кожаный мешок.

Мечи и секиры, также помеченные бирками с именами владельцев, Грозный Волк решил не брать. Во-первых, они были слишком тяжелыми, а во-вторых, по его мнению, мужчина может легко отнестись к исчезновению кошелька, но похищенное оружие будет искать, а когда найдет – вора не пощадит.

И вдруг он увидел это. В углу, незамеченный им раньше, висел палаш, ножны которого были покрыты прекрасно выполненными изображениями летящих гиппогрифов и крылатых коней. Дамон остановился перед ним на мгновение, затем снял с крюка и вынул из ножен. Клинок оказался выкованным из отличной стали и превосходно сбалансированным, в нем угадывалось смертоносное изящество. Особенно хорош был эфес, инкрустированный медью и слоновой костью, – несомненно, оружие принадлежало отнюдь не простому рыцарю.

Дамон понял, что не в силах оставить такую великолепную вещь.

– Этот палаш просто обязан быть моим, – прошептал он. – По крайней мере пока я не найду что-нибудь лучше.

Грозный Волк опоясался и тут заметил свой собственный меч, который висел на крюке и был помечен биркой: «Неизвестный. Человек. Палата номер четыре». Решив его не забирать – ноша и так обещала быть тяжелой, – он занялся осмотром ларцов. Там были в основном деньги, хотя обнаружилась и рубиновая брошь, которую Дамон тут же сунул в карман, и тяжелый перстень с выложенной драгоценными камнями эмблемой Стального Легиона, явно принадлежавший командующему. Перстень он надел на палец, мимоходом подумав, что, возможно, его владелец и владелец палаша – одно и то же лицо, и продолжал осмотр.

Когда ни в кожаный мешок, ни в заплечный невозможно было больше сунуть ни монетки, ни колечка, не опасаясь, что лопнут швы, Дамон принялся набивать кошельками карманы, а когда и там закончилась место – привязывать их к поясу. Последний мешочек, маленький, но из дорогой материи, пришлось взять в зубы.

Поняв, что больше унести не в силах, он задул фонарь, приоткрыл дверь и выглянул. Вокруг все еще было пусто. Грозный Волк продел руки в лямки заплечного мешка и с трудом надел его на спину, затем вскинул на плечо кожаный мешок. Еще несколько мгновений он простоял неподвижно, внимательно вслушиваясь, не раздастся ли среди храпа и стонов сигнал тревоги, и привыкая к весу мешков.

Дамоном прикрыл за собой дверь и скользнул к лестнице: надо было как можно быстрее вернуться в свою палату за сапогами и оттуда уйти через окно. Но в его планы вмешались часовые Стального Легиона, как раз поднимавшиеся по лестнице.

В горле у Грозного Волка пересохло. «В чем дело? Может быть, я неверно рассчитал время?» – успел подумать он и рванулся назад, пытаясь слиться с тенью и шлепать босыми ногами по плитам пола как можно тише.

Отойдя на безопасное расстояние, Дамон остановился, прислушался к тихим голосам часовых и узнал, что привело их сюда раньше времени: умерший товарищ. Рыцари шли за телом своего друга, что в конечном счете стало причиной неприятности, случившейся с взломщиком напоследок.

Наконец поняв, что другого пути к бегству нет, Грозный Волк нахмурился и скользнул в ближайшую дверь. Это была большая палата на дюжину пациентов, насквозь пропитавшаяся запахами бальзама, крови и потных простыней. Почуяв движение воздуха, Дамон задержал дыхание и направился к противоположной стене палаты, где тени были более густыми и где, как он предположил, находилось открытое окно. «Шевелись! – подгонял он себя. – Живей!»

– Кто здесь? – прозвучало в нескольких футах от Дамона. Это сказал рыцарь, который полусидел в постели, опираясь на высоко взбитые подушки.

«Живей!» – Грозный Волк распахнул ставни и в следующий миг уже стоял на узком уступе под окном.

– Кто ты? Что ты здесь делаешь? – не унимался раненый.

Уступ был чрезвычайно узок, и удержаться на нем с тяжелым заплечным мешком за спиной было непросто.

Дамон вцепился пальцами одной руки в щели кладки, другой рукой придерживая мешок на плече, и осторожно переступал, с трудом пытаясь сохранить равновесие: его пятки свисали с карниза, а до земли было не меньше десяти футов.

– Дикарь, – раздался голос, принадлежащий скорее всего тому же рыцарю, что окликал Дамона. – Дикий горец, заросший волосами, как медведь, вошел, а потом выскочил в окно!

Грозный Волк поправил мешок на плече и зашарил на поясе в поисках ножа – инстинкт приказывал ему вернуться и перерезать болтливому рыцарю горло. Взломщик совершенно забыл, что ножа при нем и не было. «Проклятие! – выругался он про себя. – Ладно, будем считать, что глупцу просто повезло». Оставалось надеяться, что раненый говорит сам с собой или с таким же прикованным к постели, а не с кем-то из рыцарей-часовых или сиделок. Больше нельзя было терять время. Мелкими шажками Дамон прошел по выступу до водосточной трубы, подергал, сомневаясь, выдержит ли конструкция его вес, и, решившись, соскользнул вниз. В темноте он, конечно, не рассчитал, поэтому пребольно ударился коленями о землю и выронил изо рта кошелек.

– Проклятие! – Обозлившись, Грозный Волк плюнул на все и выругался громко, от души. Присев, чтобы с улицы его не было видно за низким, но густо разросшимся кустарником, Дамон принялся шарить по земле, раскидывая в стороны камешки и прутья, пытаясь разыскать потерю. – Не мог же он улететь далеко… – сказал он себе уже значительно тише.

Когда кошелек был найден. Грозный Волк поднялся, вытер грязные руки о штаны и несколько раз переступил, чтобы хоть немного отряхнуть землю с босых ног. «Меня не заметили, – раздумывал он. – И может быть, еще удастся вернуться в палату, забрать сапоги и тогда уже отправляться дальше…»

Дамон выглянул из-за кустов. От таверны все еще слышалась музыка, но теперь, когда подпевавшие разошлись или заснули под столами, она показалась даже приятной. По улице шли три гнома, вернее, двое вели под руки третьего, возможно, именно того, которого Грозный Волк видел из окна петляющим по лужайке.

Прикрыв награбленное ветками, Дамон вернулся к госпиталю, прикинул, где находится окно его палаты, и пополз по стене, словно краб. Добравшись, он не стал сразу влезать внутрь, а на всякий случай прислушался: из палаты доносились голоса двух гномов. Они были встревожены отсутствием пациента, который недавно лежал без сознания, полагали, что ушел тот в сомнамбулическом состоянии, и опасались, как бы он не причинил себе этим вреда. Решено было немедленно организовать поиск, призвав на помощь Рыцарей Стального Легиона.

– Роскошно! – прошипел Дамон. – С сапогами придется распрощаться!

Он кружным путем вернулся к тому месту, где спрятал мешки, взвалил их на плечи и, взяв в свободную руку многострадальный кошелек, снова выглянул на улицу. Три гнома все еще были там: тот, что был самым пьяным, сидел на земле, а два других пытались его поднять.

Уверенный, что, будучи в таком состоянии, гномы его не заметят, Грозный Волк беспечно, прогулочным шагом миновал троицу и пошел в сторону окраины города, к расположенным там конюшням. «Главное – не спешить, – уговаривал он себя. – Спокойнее. Нельзя вызывать подозрения».

Дамон почти достиг главной улицы Железного Шипа, когда услышал пронзительный свист и топот нескольких пар ног.

Глава 2
Смена пейзажа

– Хм?…

– Риг, мне кажется, я что-то слышала…

– Только собрался поспать… – пробурчал мореход. – Я ничего не слышу… Ладно уж… погоди… – Он сладко, с подвыванием, зевнул – уходить от Фионы не хотелось, но еще меньше хотелось прогонять прекрасный сон.

…Он был капитаном большой галеры, идущей по Кровавому морю Истара, а команду составляли его старые друзья: маг Палин и его сын Алин, полулюдоед Ворчун и гном Джаспер… Сам Мер-Крел стоял на капитанском мостике, и к нему льнули две женщины: одна в ярком платье – прекрасная Шаон, чья кожа была цвета эбенового дерева, вторая в сияющем пластинчатом доспехе – светлокожая, рыжеволосая соламнийка.

Риг спустил с постели ноги, накрутил на палец длинный рыжий локон Фионы, вдохнул цветочный аромат ее волос, затем поднялся. В этот момент с улицы донесся пронзительный свист. Сначала он раздавался где-то далеко, но постепенно приближался. Потом послышался топот. Мер-Крел быстро обернул вокруг бедер ветхую простыню, подбежал к окну и, отдернув штору, посмотрел вниз. Улицу – сплошь древние каменные и деревянные дома, которые насчитывали немало столетий, – освещала только полная яркая летняя луна да несколько фонарей, горящих у таверн.

Мореход покрутил головой и опять широко зевнул; свист повторился снова.

– Два гнома… Бегут по переулку… Один свистит в свисток… Одну минутку… Другой надевает куртку… Э, да это же городская стража! Появились еще двое… Ого! Это Рыцари Стального Легиона!

Фиона за его спиной торопливо облачалась в доспехи.

Дамон бежал, не обращая внимания на гравий, впивающийся в его босые ноги. Внезапно невысокая фигура с большим заплечным мешком, закутанная в серый плащ, выбежала ему наперерез из переулка.

– Свиньи! – раздался хрипловатый голос.

Порыв теплого летнего ветра откинул капюшон и освободил гриву вьющихся белокурых волос, заискрившихся в лунном свете серебром.

– Свиньи! – повторила девушка. – Будь проклята твоя неуклюжесть, Дамон Грозный Волк! Ты должен был все сделать тихо и не рисковать! Попал в госпиталь как пациент так и уходил бы как пациент!

Дамон сунул ей мешочек, чтобы освободить руки и в случае надобности легко выхватить свой новый меч.

– Сколько их там?

– Пятеро. Три гнома и два рыцаря. Рыцари! Просто прекрасно! – бросила девушка, презрительно встряхивая мешочек. – Я побывала у серебряных дел мастера и все сделала очень быстро и тихо. – Она демонстративно дернула плечом, чтобы Дамон мог услышать звон металла, исходящий из ее заплечного мешка. – Лучше бы я занялась госпиталем. Я бы не наделала столько шума!

– Рикали, ты бы не вынесла всего этого, – ответил он.

– Еще как вынесла бы! – категорично заявила Рикали. – Разве что запах…

Свист раздался ближе. Отмечая их путь, начали распахиваться ставни. Из темноты посыпались вопросы. Топот бегущих ног, сопровождаемый зловещим эхом, порожденным древними томскими зданиями, приближался.

В нескольких кварталах от них, пока невидимая для беглецов, собралась небольшая толпа, в которой мелькали мундиры стражников и плащи рыцарей, но в большинстве своем это были ночные гуляки, появившиеся из трактиров и таверн. Их выделяла нетвердая походка и неестественно громкие голоса.

– Говорят, Санфорда ограбили! – вопил кто-то.

– И еще пекарню!

В толпе выделялись два существа, облик которых был непривычен для жителей Железного Шипа. Один был высоким человеком, одетым в короткие штаны и блузу из хорошо выделанной оленьей кожи, с множеством мешочков и бурдюков на поясе. Он казался еще крупнее и внушительнее рядом со своим спутником, который ростом был чуть выше его колен.

– И пекарню? – раздавались голоса гуляк. – Неужели и пекарню?

Между тем Дамон и Рикали выбежали на главную улицу, значительно увеличив расстояние между собой и преследователями: ноги гномов были слишком коротки для быстрого бега, а броня Рыцарей Стального Легиона – слишком тяжела.

– Вон Мэл и Несун! Надеюсь, у них все получилось не хуже. Хотя какой прок может быть от Несуна? – Рикали сплюнула и презрительно поглядела на спутника высокого человека. – Никакого!

– Мэлдред! – крикнул Дамон.

Тот закинул руку за спину, потянул из решетчатых ножен, висящих между лопатками, двуручный меч и только потом обернулся.

– Держи вора! – донесся до них крик – это один из Рыцарей Стального Легиона выбежал из-за угла. – Он ограбил госпиталь!

Рикали заметила, что толпа впереди увеличивается:

– Свиньи! Они отрезают нас от обеих окраин! Надо было оставаться в переулке!

– Луна полная, – бросил Дамон. – Нас бы все равно увидели.

– Мог бы быть поосторожнее! – Девушка со всхлипом втянула воздух и побежала быстрее.

– Я же не думал, что они обнаружат пропажу так скоро, – пытался оправдаться Грозный Волк.

– Давай живей! – поторопила Рикали. – Ты что, не можешь переставлять свои огромные ноги шустрей?! Мы должны покинуть этот проклятый город прежде, чем перебудим всю округу! – Она еще увеличила темп и уже была почти возле Мэлдреда и Несуна, а Дамон здорово отстал и торопился изо всех сил, проклиная себя за то, что оставил сапоги в палате.

Риг, путаясь, натягивал штаны и одновременно старался сунуть ноги в сапоги, не забывая, однако, глядеть в окно. Он видел, как открываются другие окна и в них вспыхивает свет. Тут и там высовывались растрепанные головы гномов – разбуженные шумом горожане пытались выяснить друг у друга, что произошло. Отовсюду раздавались вопросы, а издалека несколько раз послышался крик «Держи вора!».

Мер-Крел поспешно закончил одеваться. Со своего наблюдательного пункта, который был особенно удобен тем, что располагался на третьем этаже дома и позволял видеть далеко в оба конца улицы, он заметил бегущего человека и тут же разинул рот от удивления. Это был не кто иной, как Дамон Грозный Волк.

– Там Дамон! Он сбежал из госпиталя!

– Ты уверен? – спросила Фиона; она как раз завязывала шнурки поножей.

– Конечно уверен! И, похоже, это именно его преследуют, – ответил мореход, надевая пояс. – Они… О нет!

Стоящий прямо под их окном гном, опираясь плечом на столб коновязи, взводил тяжелый арбалет, нацеленный в направлении Дамона. И хотя до выстрела было еще далеко, Риг не хотел давать гному ни единого шанса. Длинно выругавшись, он, не раздумывая, метнулся к кровати и схватил медный горшок. Через мгновение горшок ударил гнома по голове, рухнул ниже и вдребезги разнес приклад арбалета.

Сделав свое дело, мореход схватил меч, окинул долгим взглядом набор кинжалов, аккуратно разложенный на стуле, потом посмотрел на бесценную алебарду, прислоненную к стене, но время поджимало.

– Ладно, в другой раз, – пробормотал Мер-Крел и выбежал из номера.

Фиона, схватив щит, последовала за ним.

Четыре гнома в мундирах городской стражи добежали до высокого человека по имени Мэлдред. Трое угрожающе размахивали короткими мечами, четвертый дул в свисток, нелепо раздувая при этом румяные щеки.

– Прочь-с-дороги! – скороговоркой рявкнул один из них; его раздраженная речь была похожа на сердитое гудение шершня. – Живо-живо-живо!

– Живо! – прокричал другой более отчетливо, замахиваясь на Несуна. – Живо! Шевелись, гадкий кендер! Что тут творится? Кто поднял тревогу?

– Я никакой не кендер! – сплюнуло ему под ноги маленькое существо.

– Живо-живо-живо!

Высокий человек широко улыбнулся, сдул рыжую, цвета имбиря, прядь с глаз и заявил:

– Улица общая.

Но едва гномы попытались окружить Дамона и Рикали, улыбка исчезла с лица Мэлдреда, и он шагнул вперед, преграждая стражникам дорогу. Дамон сбросил на землю награбленное, встал с Мэлом спина к спине и приготовился опробовать в бою свое новое приобретение. Теперь у него было что показать противникам, приближающимся с другого конца улицы.

Несун зарычал и отскочил от Мэлдреда на несколько шагов, беря наперевес хупак, дубовое оружие кендеров, состоящее из древка с V-образным разветвлением на одном конце, к которому была прилажена красная кожаная петля.

– Мэл, у нас нет времени развлекаться, – предупредила Рикали. – Убей их быстренько – и вперед.

Старший гном услышал это и разразился проклятиями. Он бросился на высокого противника, но Мэлдред оказался быстрее. Он встретил нападавшего ногой, а когда тот споткнулся, ударил его кулаком в грудь, вышибая воздух из легких. Гном задохнулся, но из строя не выбыл. Тогда Мэл ударил еще раз, на этот раз повергнув противника на землю. Второй гном, увидев это, на мгновение замешкался – и это его погубило. Мэлдред выбил у него меч и коротким ударом каблука сломал лезвие. Третий противник повернулся, чтобы бежать, и лицом к лицу встретился с Несуном, который, осыпая гнома оскорблениями, заступил ему путь.

– Эт-то никакой не к-кендер, – заикаясь, пробормотал гном, – Эт-то н-непонятное м-маленькое ч-чудовище!

– Фу, как грубо! – прорычал Несун, замахиваясь и намереваясь отделать обидчика со всей жестокостью, но промахнулся, запутался хупаком в плаще и шлепнулся на ягодицы.

Четвертый гном, отбежав, продолжал отчаянно свистеть и размахивать руками, показывая приближающимся соратникам, чтобы бежали быстрее, отчего был похож на пытающуюся суматошно взлететь птицу.

– Мэл… – снова сказала Рикали.

– Убери оружие, – посоветовал Мэлдред гному, все еще стоявшему перед Несуном, и приставил острие меча к его горлу. – Дыши ровнее и возвращайся домой, в теплую постель, если хочешь дожить до завтра.

– Мэл, времени нет…

– Воры! – взревел в этот момент Рыцарь Стального Легиона, бегущий во главе приближающегося отряда.

– Ты собираешься устроить, чтобы мы оказались в ловушке! Меж двух огней! – сплюнула Рикали.

– Меч… – напомнил Мэлдред гному.

– Убери свое оружие… – парировал стражник. – Вор!

Он пытался броситься на Мэлдреда, но перед ним опять возник Несун, раскручивая хупак. Гном в страхе отступил.

– Я предпочел бы никого не убивать… – зловеще произнес Мэлдред. Наверное, в другой ситуации его богатый, глубокий и мелодичный голос мог бы подействовать успокаивающе. – Ваши смерти мне ничего не дадут. – Он легонько пнул ногой гнома, который предпринял попытку встать.

Толпа уже была не более чем в двухстах-трехстах футах от них.

– Какие мы шустрые! – насмешливо бросил стражник Несуну, совладав с собой, и ткнул в него мечом, но маленькое существо успешно парировало удар хупаком.

– Возможно, это я предпочел бы не убивать тебя или твоего крошечного монстра! – Гном увернулся от Несуна и остановился перед Мэлдредом.

– Последнее предупреждение… – произнес тот. Гном ушел от его меча и постарался обойти высокого человека.

– Мэл! – снова окликнула Рикали, привстав на цыпочки и оценивая боевые возможности противников, которые подходили все ближе.

– Мне очень жаль… – сказал Мэлдред стражнику, причем в его голосе действительно прозвучало неподдельное сожаление. – Очень жаль… – И он опустил меч на голову гнома, расколов ее, словно орех. Стражник рухнул на землю и застыл. Тогда Мэл обратил внимание на обезоруженного до этого гнома, который как раз подполз к его ногам. Он собирался повторить свое мирное предложение, но в этот момент Рикали бросилась на поверженного стражника с ножом. Тот оттолкнул девушку и побледнел от страха – лезвие пропороло его мундир.

Не сводя внимательных глаз с толпы, которая через мгновение могла смять их, Мэлдред многозначительно кивнул в сторону свистуна:

– Надо остановить этот шум… Я предпочел бы не убивать вас! – крикнул он.

– Воры!

– Взять их! – уже отдавал приказ Рыцарь Стального Легиона.

Оказавшись перед Мэлдредом, четвертый гном выплюнул свисток и поглядел на своих мертвых товарищей. Дольше всего его взгляд задержался на последнем: его, безоружного, только что добила Рикали. Выдернув из-за пояса меч, он сделал шаг назад и прорычал:

– Нас больше! И мы легко справимся с вами!

Стражник попытался поднырнуть под меч Мэлдреда, но слишком поздно понял, что его противник – настоящий мастер. Широко и вроде бы нелепо размахнувшись, Мэл вдруг неуловимо ударил вниз и вбок, и голова гнома, отделившись от шеи, глухо ударилась о землю.

– Поспешим! – крикнул кто-то из толпы, которая была уже в нескольких ярдах.

– Да, поспешим, – поддержала Рикали.

– Где лошади? – задыхаясь, спросил Дамон. Он уже взвалил кожаный мешок на плечо и теперь, стараясь не уронить ношу, парировал удары первого добежавшего до него Рыцаря Стального Легиона.

– Мэл не привел лошадей, – ответила Рикали, сражаясь плечом к плечу с Дамоном, – она взяла на себя еще одного рыцаря, – Наши еле дотащились сюда, были полумертвыми от усталости, и мы надеялись получить здесь новых. Ты же знаешь, я иногда люблю прогуляться по лавкам.

– Замечательно! – рявкнул Дамон. Его осаждали рыцари, и в данный момент Грозному Волку как раз удалось пробить защиту одного из них и глубоко погрузить меч в тело противника. Рыцарь осел на землю, пытаясь в последнем усилии схватить Дамона за ноги, чтобы хоть так помочь своим соратникам. На Грозного Волка тут же навалились остальные.

– Сдавайтесь! – крикнул кто-то. – Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

– Посмотрите на этого! У него меч нашего командующего! – воскликнул один из рыцарей.

– Убейте его! – приказал гномский голос, похожий на скрип гравия. – Убейте вора!

– Сдаться – это не выход, – бросила Рикали.

Дамон уже дрался с двумя гномами.

– Я предпочел бы не убивать вас, – объявил Мэлдред насевшим на него гномам.

– Да брось ты эту вежливость! – прокричала Рикали Мэлу. – Надо их прикончить побыстрей – и в путь! – Девушка свободной рукой подобрала плащ и начала свой смертоносный танец.

Неуловимым движением она захлестнула плащом меч одного гнома и тут же ударила своим мечом, в следующий миг зазевавшийся рыцарь получил удар в незащищенную шею и еще не успел понять, что произошло, как Рикали снова проделала фокус с плащом, и еще один гном пал от ее меча.

– Смотри, кругом огни! – продолжала она, расправившись с противниками. – Мы перебудили весь город! Ты что, не слышишь, голосов? Здесь и сейчас погано, а когда сбегутся остальные, станет погано настолько, что думать будет некогда. А если ты вспомнишь, сколько в городе рыцарей… Сделай же что-нибудь!

В этот момент Дамон опустил меч на шлем своего противника. Гном упал.

– Сделай же что-нибудь, Мэл! – эхом повторил Несун.

Мэл глухо зарычал и одним ударом отправил в Бездну сразу двух врагов, залив себя и окружающих потоками крови.

Остальные враги переключили на него внимание и выставили мечи, стараясь оттеснить силача и как можно лучше воспользоваться сложившейся ситуацией.

Несун сильно ударил противника-гнома по рукам хупаком, так что тот выронил меч.

– Я предпочел бы не убивать тебя… – захохотало маленькое существо, издевательски подражая Мэлдреду.

Гном вытянул руки ладонями вверх, показывая, что сдается, и Несун завопил от восторга.

Еще несколько гномов отступали, пытаясь смешаться с Рыцарями Стального Легиона, чтобы прикрыться ими от воров, но, по крайней мере, дюжина городских стражников продолжала наступление. Их взяли на себя Мэлдред и Несун.

Еще один отряд гномов, которых вообще было намного больше, чем Рыцарей Стального Легиона, отрезал Рикали от остальных. Она прикинула, что на ее долю досталось куда больше врагов, чем Дамону, не меньше дюжины, но не стала оглядываться, чтобы проверить это. Один из напавших на нее оказался превосходным фехтовальщиком, и девушке никак не удавалось пробить его защиту – она боялась открыться.

– Мал, быстрее? Я слышу звон оружия! Рыцари приближаются! Я не хочу умереть в этом городе! Мэл, сделай же что-нибудь!

Она с трудом расслышала утвердительный ответ силача, и тут он закричал. Его крик был похож на клекот тысячи сердитых чаек. Мэлдред закрутил свой двуручный меч над головой. Раздался свист металла, клинок рассыпал блики лунного света, серебристые зайчики заскакали по толпе, отражаясь в доспехах противников. Мэл ринулся на стоящих перед ним гномов,

и те, ошеломленные яркими вспышками и ревом гиганта, поспешно расступились. Несун не раздумывая последовал за своим огромным напарником, награждая чувствительными ударами хупака тех, кто не успевал вовремя убраться с их дороги. Один удар, к счастью несильный, достался и Рикали.

Те гномы, которые окружили Дамона, тоже отступили, но рыцари, хоть и были ошеломлены не меньше своих коренастых товарищей, остались стоять на месте.

Внезапно, словно по сигналу, от домов начали прибывать местные жители – гномы, в большинстве своем, как отметила Рикали, вооруженные чем попало, некоторые просто тащили факелы, но у нескольких были арбалеты. Это насторожило девушку. Но, так или иначе, теперь их стало слишком много, чтобы напугать… или победить…

В этот момент Дамон увидел Рига и Фиону, бегущих по улице к собравшейся толпе. Мореход что-то кричал, размахивая руками. Фиона бежала легко, несмотря на тяжелую броню Соламнийского Рыцаря, и ее лицо в свете факелов казалось сосредоточенным и одновременно недоверчивым.

Грозный Волк смотрел на морехода и соламнийку всего одно мгновение и тут же забыл о них. Он и Рикали решили воспользоваться минутной оторопью Рыцарей Стального Легиона, и теперь оба кружили, чтобы присоединиться к Мэлдреду, гнавшему группу гномов, которая своими телами раздвигала перед ним толпу, к ближайшей конюшне.

Добежав до открытой двери, Мэлдред остановился и втолкнул Несуна внутрь.

– Сюда! Скорее! – закричал он Рикали и Дамону, отчаянно жестикулируя.

Сзади к девушке и Грозному Волку торопились полдюжины рыцарей. Вновь прибывшие гномы уже сориентировались в ситуации и теперь скандировали: «Воры! Воры!» – рискуя разорвать себе легкие. Только короткие ноги не позволяли им принять деятельное участие в погоне.

Тут в дверь конюшни, в дюйме от руки Мэлдреда, вонзился арбалетный болт.

Риг и Фиона вклинились в толпу гномов. Соламний-ка окидывала заступающих им дорогу жгучими взглядами, и горожане нехотя и ворча расступались.

Дамоном и Рикали, наконец, добрались до конюшни.

– Внутрь! – приказал Мэлдред и отшатнулся – арбалетный болт свистнул возле его уха. Через мгновение силач последовал за ними, захлопнул за собой дверь, заложил ее тяжелым бруском и двинулся мимо Дамона вглубь помещения, чтобы проделать то же самое с другой дверью, которая едва виднелась в темноте.

– Вот здорово! – присвистнула Рикали, оглядевшись. – Мэл, ты заманил нас в ловушку! Как крыс! И здесь отвратительно пахнет! – Девушка приникла к щелке в двери. – Свиньи! Там женщина Соламнийский Рыцарь! И с ней те Рыцари Стального Легиона, что не валяются в госпитале! Только этого недоставало! Последнее, что нам нужно, – это соламнийка в сияющих доспехах!

– Она – мой старый друг, – пробормотал Дамон.

– Друг?! – Рикали уперла руки в стройные бедра. – Ну и вкус у тебя! Надо же такое придумать! Меньше всего эта личность годится на то, чтобы быть другом! Друг-рыцарь! Придумал тоже! От них одни неприятности! Тем более для таких, как мы!

– Хватит ныть! – прохрипел Несун, с трудом таща бочонок, чтобы подпереть дверь. – Лучше помоги.

– Ого! Наш малютка решил поработать! – с исказившимся лицом прошипела Рикали.

– Нет, это он хорошо придумал, – примирительно сказал Дамон и направился к центру конюшни, где просматривались очертания большого фургона.

Мэлдред мимоходом погладил девушку по плечу, подошел к фургону, схватился за дышло и потянул, напрягаясь так, что мускулы на его руках натянулись, словно канаты, а вены на шее вздулись, подобно веревкам. В стойлах тихонько заржали лошади. Дамон бросил, наконец, свою ношу и принялся толкать фургон сзади.

Несун запрыгнул внутрь, выволок полдюжины холщовых мешков.

– Тут денежки из пекарни, – тараторил он на ходу. – Это я придумал ограбить ее. А тут – из кузницы. Еще ложки и подсвечники из старого поместья. Мы с Мэлом заранее припрятали их здесь. Думали выбраться в фургоне из города.

Дверь сотрясалась под кулаками, заставляя нервничать лошадей, – гномы как-то не думали, что могут испугать не только беглецов, но и оставшихся в конюшне животных. Но внезапно послышался гул, земля под ногами вздрогнула, стены конюшни затряслись, да так, что удары гномов по сравнению с этим показались детской забавой.

– Землетрясение! – закричал кто-то снаружи-.

– Колдовство! – присоединился к нему другой голос.

– Дамон Грозный Волк! Немедленно выходи! – перекрыл шум и гам звонкий голос Фионы.

Рикали прижалась спиной к двери и стиснула зубы, поскольку как раз в этот момент напор гномов усилился.

– Поторопитесь! – рявкнула она. – Эта конюшня, конечно, построена на совесть, как и все у гномов, но она не может держаться вечно! Когда так лупят в двери да еще и земля дрожит – и замку не устоять!

Несун подошел к девушке и встал рядом с ней, скопировав ее позу и широко расставив короткие ножки.

– Смотри-ка, помощь подоспела, – бросила Рикали, презрительно глядя на маленькое существо.

Земля снова задрожала. Снаружи раздался крик:

– Как еще можно попасть внутрь?!

– Через сеновал! – послышался ответ. – Или через боковую дверь!

– У меня топор! Позвольте, я вышибу эту проклятую дверь!

– Это моя конюшня! Пожалуйста, не надо ее рушить! Лучше уговорите их выйти!

– Эй, люди, подсадите меня!

– Найдите лестницу!

– Это воры! Они обокрали раненых рыцарей! Лучше убейте их!

– Мэл, давай быстрее! – крикнула Рикали.

– Да, поторопись! – вторил ей Несун.

Дамон и Мэлдред подтащили фургон к двери и заклинили тормоз как раз в тот момент, когда топор неизвестного доброхота как раз врезался в древесину. По стене что-то заскребло, видно кто-то, не дожидаясь лестницы, полез наверх, но через мгновенье раздался сдавленный крик и удар тела о землю.

– Теперь я попробую! Подсадите меня! – На этот раз голос явно принадлежал человеку, очевидно кому-то из Рыцарей Стального Легиона.

– Где лестница?

– Да плюньте вы на эту лестницу! – раздался гневный вопль Рига. – Отойдите в сторону! Я открою вашу проклятую дверь!

– Моя конюшня! – продолжал стенать хозяин.

– Да… долго мы здесь не продержимся… – задумчиво протянул Дамон.

– В самом деле? – притворно изумилась Рикали. – И что же вы предлагаете? Дамон? А ты, Мэл? Меня что-то не тянет распрощаться с жизнью среди куч навоза!

– Дамон Грозный Волк! Выходи! – вновь прорезал гвалт крик Фионы.

– Доски! Отдирайте доски! – Кто-то уже возился у боковой двери.

– Проклятые воры!

Дамон бросился туда и начал спешно возводить баррикаду из корзин и бочонков, подпирая их вилами.

Мэлдред отошел к задней стене конюшни и, не обращая внимания на ржание испуганных лошадей, жалобы Рикали и оправдания Несуна, принялся чуткими пальцами ощупывать дерево.

– Здесь слишком темно. Особенно для Мэла и Дамона – они же люди, – проворчал Несун и подскочил – прямо над его головой топор выбил щепу из двери. – Ладно, будет им свет.

Покончив с баррикадой, Дамон вытащил из фургона остальные мешки и сложил их к ногам Мэлдреда:

– Я оседлаю лошадей.

Он давно приметил, что в конюшне было несколько коней нормального роста и еще два очень крупных. Если у Рыцарей Стального Легиона были и другие лошади, то они, как подозревал Дамон, остались в лагере за городом. В остальных стойлах находились пони, идеальные для гномов из-за своих небольших размеров. Грозный Волк остановил свой выбор на двух огромных жеребцах и поспешил отвести их к задней стене конюшни.

Мэлдред закрыл глаза, и в его горле родился странный низкий звук. Он набирал силу, и очень скоро всем показалось, что это какая-то непонятная, завораживающая древняя мелодия со сложным напевом. Пальцы силача порхали по доскам, слегка касаясь подушечками скрепляющих их гвоздей. Мэл запел громче, и гвозди под его руками начали светиться.

– Вот то, что нам надо! – объявил Несун. С этими словами крошечное существо подожгло кучу сена, наваленного посреди конюшни. – Сейчас станет совсем светло.

– Ты! Маленький чешуйчатый глупец! – завопила Рикали, когда поняла, что тот натворил. В бликах огня ее гневное лицо казалось алебастровой маской, светло-голубые, густо подведенные глаза расширились, тонкие карминово-красные губы искривились, обнажив два ряда мелких острых зубов. – Ты ничтожество!

Она рванулась, пытаясь сбить огонь, но он перекинулся на соседнюю кипу сена и потек по полу, от одной кипы к другой, пожирая на ходу разбросанную солому. Кони испуганно раздували ноздри и тревожно ржали, словно понимая, что они, привязанные в своих стойлах, обречены. Пламя быстро распространялось, и все попытки Рикали потушить пожар оказались бесплодными.

– Мэл! – закричала она. – Новая беда! Несун решил спалить конюшню!

Мэлдред продолжал петь.

– Пожар! – закричали снаружи.

Кто-то из гномов требовал, чтобы немедленно начинали тушить огонь. Другой вопил, что надо позволить пламени разгореться и пожрать подлых воров, которые посмели ограбить раненых рыцарей, с риском для жизни защищавших их город от армии гоблинов.

Дамон уже оседлал двух гигантских жеребцов и собирался выбрать еще двух. Увидев, что огонь разгорается, он крикнул:

– Рики! Седлай коня для себя и Несуна. Быстрее!

Она, ворча, подчинилась – в бессильной злобе пнула золу и схватила сеяло. В этот момент топор опять пробил дверь, и Рикали решила, что лучше уж обойтись без седла. Она задыхалась – дым выедал глаза, острыми коготками впивался в горло. И тут Несун подергал ее за подол плаща.

– Мне очень жаль… – сказал он. – Не думал, что пожар разгорится так быстро. Я просто попробовал разжечь огонь, как меня учил Мэл.

– Не мог выбрать другое время для своих экспериментов!

– Я только хотел, чтобы было светлее…

Тут Рикали подняла Несуна за пояс, посадила на лошадь и вскочила следом, усевшись позади него.

– Замолчи, – бросила она. – Просто молчи и держись крепче!

Ухватив за повод другую лошадь, девушка ударила свою пятками, заставляя обеих двигаться. Пони дико ржали, пытаясь разорвать путы и бежать от надвигающегося огня и дыма. Крики паникующих животных, треск огня, удары топора и крики гномов, Рига и Фионы мешали Рикали сосредоточиться и понять, что делать дальше.

– Дамон! Ты где? – закричала она. – Я тебя не вижу!

Ориентируясь на ее голос, из дыма выступил Дамон, схватил лошадь Рикали под уздцы и отвел в заднюю часть конюшни, где сразу же начал навьючивать на вторую лошадь мешки. Рикали закашлялась; дым одинаково губительно действовал что на нее, что на Несуна или Дамона.

Вдруг Грозный Волк вспомнил, что бросил им самим награбленное. Он рванулся сквозь дымную завесу, надеясь, что хорошо запомнил, где именно оставлены его мешки.

– Дверь поддалась! – раздался вопль Рига. – Помогите мне оттащить фургон!

– Намылить проклятым ворам шею!

Визгливые голоса гномов и басовитые – рыцарей стали громче, сердитые и любопытные, одни трусливые, другие полные отваги, – казалось, дым поднимает их до самых небес. Командир отряда Рыцарей Стального Легиона отдавал приказы своим подчиненным.

Странная горловая песня Мэлдреда стала громче, его пальцы теперь танцевали в воздухе, и из-под них в такт движениям из стонущих досок вылетали гвозди. Воздух раскалялся все сильнее, пламя поднялось едва не до крыши. Фургон, наконец, отодвинули, и внутрь конюшни ворвались пылающие возмездием гномы и рыцари, но некоторые из них немедленно были растоптаны лошадьми, пытающимися выбраться из огненной ловушки.

Дамон закрепил кожаный мешок на боку одного из жеребцов, сунул поводья в руку Мэлдреда и теперь делал неуклюжие попытки совместить несовместимое – запрыгнуть в седло другого жеребца, одновременно надевая заплечный мешок.

Мэл сжал свободную руку в кулак и ударил в стену конюшни. Древесина издала последний стон, и стена вывалилась наружу.

Мир вокруг немедленно превратился в огненный хаос: поток свежего воздуха раздул огонь, посылая языки пламени вверх, на сеновал, на балки крыши. Яростный пожар не уступал теперь убивающему все живое на своем пути дыханию красных драконов, столб густого дыма поднялся высоко в ночное небо. Сгустки пламени погнали Рига, гномов и рыцарей, задыхающихся, давящихся дымом, наружу.

– Дамон! – закричал Риг, потом к нему присоединилась Фиона, но их слова потонули в стуке копыт – это Дамон, Рикали, Мэлдред и Несун вырвались с другой стороны конюшни и скакали прочь от Железного Шипа, гоня перед собой освобожденных лошадей и пони.

– Как жарко! – простонала Рикали. Она, дрожа, оглядывалась через плечо на пожар, который уже перекинулся с конюшни на соседние дома и охватил не меньше полудюжины зданий. – Я пропахла дымом насквозь! У меня все руки в волдырях! А лицо!… И все из-за Несуна!

– Твое лицо прекрасно, как никогда, Рики. Несмотря на то, что оно сплошь покрыто той дрянью, которой ты обычно подводишь глаза. Ой! Мой плащ! – Несун задергался и начал суматошно хлопать ручками по тлеющему подолу.

– Ничтожество, – прошипела она сквозь зубы, помогая маленькому существу потушить плащ. – Ты знаешь, Несун, что ты абсолютное ничтожество?!

– Мне, правда, очень жаль, – откликнулся Несун. – Но, по крайней мере, никто нас не преследует, – наверное, все лошади и пони, кроме тех, что мы увели, погибли. Да и гномы заняты тушением пожара, вместо того чтобы позаботиться о нас. Им придется здорово потрудиться, чтобы весь город не вспыхнул, лето-то сухое, да и колодцев поблизости нет…

– Ну а рыцари?

– Конечно, Рыцари Стального Легиона не простят того, что их раненые братья были ограблены. Они еще заставят нас поволноваться.

Четверка погоняла коней до тех пор, пока огонь и дым пожара не остались далеко позади, запах пожарища не перестал ощущаться, а багровые сполохи в небе не сменились мягко-розовой утренней зарей.

Перед ними простерлась иссохшая бесплодная степь, плоская, никогда не знавшая плуга; лишь кое-где торчали редкие, словно клочья волос на черепе лысеющего человека, пучки поседевшей травы, которые сухо шелестели под дуновением слабого ветерка, да изредка дорогу путников пересекали шары перекати-поля. Лето, никогда не бывавшее в Кхуре особенно мягким, на этот раз решило применить весь запас своих зверств: дожди шли реже, чем обычно, солнце пекло сильнее, а ветер был слишком слабым, чтобы приносить облегчение.

Но через некоторое время пейзаж разительно изменился. Путники ехали по предгорьям высоких Халькистовых гор, которые вздымали к выцветшим небесам строгие гранитные пики в шапках серо-стальных облаков. На склонах рос чахлый кустарник да кое-где возвышались дубы с искривленными стволами и ветвями. Можно было бы назвать эти склоны безжизненными, если бы не заросли серо-зеленого шалфея, источавшего терпкий аромат, которому явно нравилась такая сумасшедшая жара.

Мэлдред скинул рубаху, обвязал ее вокруг пояса – его мускулистое тело блестело от пота – и сиял с ремня два бурдюка: один осушил сам, а второй передал Дамону.

Дамон поглядел на силача и поморщился – рядом с Мэлом, руки которого были перевиты канатами мускулов, грудь напоминала бочку, а плечи казались просто квадратными, он выглядел слишком худощавым. К тому же Грозный Волк был запятнан кровью – некоторые царапины гномский бальзам излечил полностью, но многие за время борьбы в городе открылись и теперь сочились сукровицей и кровавыми каплями.

– Рикали! – окликнул Мэлдред девушку, – Не надо было его так сильно царапать!

– Ты сказал, что Дамон должен выглядеть плохо, – отрезала она. – И именно ты настаивал, чтобы это смотрелось убедительно.

– Но не настолько же… – мягко сказал Мэл.

Рикали пожала плечами и гордо вскинула голову, так что ее густые волосы рассыпались:

– Он не жаловался.

– Я выглядел более чем убедительно, – тихо сказал Грозный Волк Мэлдреду. – Зато все шло как по маслу… До последнего момента. Если бы я только сообразил, что они сразу пойдут за своим покойным…

Мэлдред усмехнулся и тоже понизил голос;

– На твою долю выпала самая трудная часть плана. Мы-то грабили закрытые лавки – там никого не было, знаешь ли. Кроме того, это приключение дало возможность острее почувствовать жизнь, а я это ценю. Так что никакого вреда нашему делу ты не причинил. Кроме того, теперь у нас есть прекрасные лошади. – Он окинул Дамона долгим взглядом и, наконец, фыркнул: – Тебе необходима новая одежда, друг мой. Твою Рикали разодрала на совесть, кроме того, от нее пахнет. Впрочем, любому из нас сменить платье не повредило бы – мы пропитались дымом насквозь.

Они миновали милю за милей, пока солнце неуклонно ползло по синему небу к зениту, нагревая воздух. Наконец стало слишком жарко. К счастью, острые глаза Рикали заметили небольшую рощу, где деревья и трава были зелеными – для Кхура такое было настоящим оазисом. Сначала девушка решила, что это мираж, и некоторое время неистово моргала, каждую минуту ожидая, что роща исчезнет, но тут увидела ворона. Он взмыл в небо, превратившись в черную точку на фоне солнца, и сразу же начал снижаться, пока не исчез среди деревьев. Рики послала лошадь к роще, впопыхах выпустив повод второго коня. Впрочем, тот, измученный жарой не меньше путников, не собирался отставать. Едва въехав в тень, Рикали спешилась,

позволяя усталой лошади отдохнуть от невеликого веса, и повела животное к речке, которая лениво текла со склонов Халькистовых гор, петляя меж деревьев.

– Наконец-то тень, – прошептала она, помогая Несуну слезть на землю и наблюдая, как лошади утоляют жажду.

– Я не против небольшого отдыха, – признался Дамон.

– Кто бы спорил, – бросил Мэлдред через плечо. – По крайней мере, лично я сейчас на дебаты не способен, – Он спешился и повел лошадь к воде, – Эта речушка наверняка впадает в Тон-Талас, – пробулькал силач, припав к благословенной влаге. – А это, к твоему сведению, знаменитая река, которая протекает через Кхур и лес Сильванести, а потом впадает в Тон-Ришас и уже после заканчивает свой путь в болотах по другую сторону Халькистовых гор.

– Смотри, речка-то наполовину пересохла, – заметил Дамон, указывая на ил и мелкие камешки, скопившиеся ниже линии берега. – Остается только радоваться, что она не высохла полностью.

Мэлдред оторвался от воды и помотал головой, разбрасывая брызги с мокрых волос, затем скинул сапоги и вошел в ручей. Постояв так несколько минут, всей фигурой выражая полное блаженство, он снял с пояса два пустых бурдюка, согнулся над потоком и принялся их наполнять. Когда Дамон тоже зашел в воду, Мэл передал ему третий бурдюк.

– Если хочешь пить, пей из этого – так удобнее, – посоветовал он. – Только позаботься, чтобы потом и он был наполнен, иначе останемся без питья.

– Спасибо, – улыбнулся Грозный Волк.

– Бывший друг! – вдруг заявила Рикали, прерывая их разговор. Она уперла руки в бока и склонила голову к плечу, словно читала нотацию непослушному ребенку. – Бывший! Твой. Бывший. Друг.

Дамон открыл было рот, чтобы ответить, но тут понял, что совершенно не понимает, о чем говорит Рикали, поэтому ограничился тем, что поджал губы и сделал вид, будто полностью занят изучением нависающих над водой ветвей. Переспрашивать он тоже не стал – решил, что рано или поздно она сама объяснит.

– Это я про рыжую соламнийку. Пока мы ехали, я все думала, думала… И знаешь, решила, что она была твоим другом. Понимаешь? Такие вредные типы, как эти рыцари, не прощают воровства или убийства. Теперь она твой враг.

– Но я никого в городе не убил, – сказал Дамон, рассеянно перебирая густую гриву своего жеребца. – Кстати, мог бы. Но, заметь, не убил, – добавил он.

Рикали пожала плечами и, убедившись, что Грозный Волк посматривает в ее сторону, изящными движениями скинула маленький заплечный мешок, потом плащ, а потом и короткую тунику, выставив на всеобщее обозрение свою изящную светлокожую фигурку. Она медленно вошла в речку и принялась плескаться, уделяя особое внимание лицу: старательно смыла краску для век, которая измазала ее личико.

– В городе погибло много гномов, Дамон Грозный Волк, – сообщила девушка между делом, поднимая наполненные водой ладони к пышным волосам. – И некоторые рыцари, хоть и не соламнийцы. Думаю, не имеет значения, от чьей руки они пали. Смерть есть смерть. Но именно ты оказался в центре этой заварушки. – Рикали заплела волосы, продемонстрировав заостренные уши, говорившие о том, что в ее роду не обошлось без эльфов, и занялась мытьем, брызгаясь и фыркая. – Между прочим, от тебя тоже пахнет. Так что советую искупаться.

– Несомненно, – мягко ответил Дамон, оставил на берегу сапоги, новый меч, а также то, что осталось от его штанов, и присоединился к девушке. – Я просто обязан это сделать.

Сперва вода коснулась его икр, затем бедер, наконец, Грозный Волк зашел настолько глубоко, насколько было возможно, погрузившись до пояса. Рикали засмотрелась на его мощный торс, покрытый, кроме следов ее ногтей, множеством шрамов, некоторые из которых были получены так давно, что стали почти незаметны.

Полуэльфийка погладила царапины пальчиками с остро отточенными ногтями, покрытыми толстым слоем черного лака, который казался еще темнее на фоне ее белой кожи.

– Они заживут, милый, – выдохнула она хрипло, и пальцы, порхающие над царапинами, задрожали. – Ведь ты был не против этого… – Девушка поцеловала длинный шрам на груди Грозного Волка; ее бледное лицо и светлые волосы казались прозрачными по сравнению с его загорелой, бронзовой кожей.

– Все заживает, Рики, – откликнулся он нежно.

Тем временем Мэлдред осматривал лошадей, громко комментируя:

– Все хороши, но эти два жеребца просто прекрасны – высокие, мускулистые! Если мы решим их продать, то выручим неплохие деньги.

Несун ходил за Мэлом хвостом, притворяясь, будто внимательно слушает силача, и поминутно извиняясь, поскольку опасался, что напарник в любой момент спросит с него за пожар, устроенный в конюшне.

Когда Мэлдреду это надоело, он внимательно посмотрел на Несуна, сморщил хищный нос, словно принюхиваясь, и бросил:

– Между прочим, от тебя тоже отвратительно пахнет, Так что советую помыться.

Несун судорожно замотал головой, всей своей крошечной фигурой выражая нежелание купаться, но Мэл одной рукой поднял его за шиворот, вытряхивая из одежды, а другой отбросил в сторону хупак.

Маленькое существо предстало перед спутниками в первозданном виде. Это было нечто меньше трех футов ростом, явно мужского пола, которое, тем не менее, напоминало помесь крысы и ящерицы, покрытую ржаво-коричневыми волосами, сквозь которые проглядывала кожа, больше похожая на чешую. Его узкую собачью мордочку украшали жиденькие рыжеватые пучки волос, растущие из основания челюсти, а уши, как у летучей мыши, указывали на то, что существо является родственником гоблинов. Дамон и Рикали ахнули – это был кобольд, представитель тупиковой ветви древней могучей расы. Гоблины, обитающие в Кхуре и других пустынных уголках Ансалона, обычно использовали кобольдов как прислугу в своих домах либо как пушечное мясо в своих же битвах. Красные глазки-бусинки Несуна пылали, как два уголька, голова, увенчанная изогнутыми белыми рожками, была низко опущена.

– Пожалуйста, Мэлдред… – умоляюще сказал он тоненьким, срывающимся голоском; длинный крысиный хвост кобольда нервно задергался. – Ты же знаешь, что я не люблю воду… и не могу плавать… и…

Мэлдред захохотал и швырнул Несуна в воду.

– Рикали, ты проследишь, чтобы он помыл за ушами? – со смехом спросил он, улегся под деревом, пристроив под голову мешки Дамона, и через мгновение уже спал.

– Та женщина-рыцарь… – Рикали закончила тереть спину Дамона и снова вернулась к больной теме. Она говорила тихо, чтобы не разбудить Мэлдреда и Несуна, который уже выбрался из воды и уснул в ногах силача, свернувшись калачиком, как собака. – Думаешь, она не оставит нас в покое? Она смотрела на тебя так… гневно.

– Ты что, ревнуешь?

Полуэльфийка покачала головой, рассыпав мокрые волосы:

– Я? Ревную? Едва ли, дорогой!

– Нет, ревнуешь, Рики. Ты вообще ревнивая. Кроме того, почти все время, что мы знакомы с Фионой, она была с Ригом. И насколько я знаю, они собирались пожениться этой осенью, в день ее рождения.

– Но ты называешь ее по имени…

– Я сказал, что мы были друзьями. С ней всегда был Риг, ну, помнишь, тот темнокожий мужчина. – Дамон повернулся к девушке спиной, делая вид, что высматривает что-то в глу-

бине; он расставил ноги пошире, слегка нагнулся, позволив рукам расслабленно повиснуть и покачиваться в такт течению.

– И она до сих пор Соламнийский Рыцарь?

– Едва ли! Тсс!

– Едва ли, – хихикнула полуэльфийка. Она смерила Дамона заинтересованным взглядом и усмехнулась, когда он попытался схватить рыбу, которая проплывала прямо возле его ног. Конечно, у Грозного Волка ничего не получилось – руки ухватили пустоту и, дернувшись, подняли тучу брызг.

– Будь ты неладна! – беззлобно выругался Дамон.

Все еще усмехаясь, Рикали с быстротой молнии погрузила руку в воду и тут же вытащила ее, продемонстрировав Дамону бьющуюся форель, пронзенную ее острыми ноготками.

– Ты ведь тоже был рыцарем, Дамон Грозный Волк. Ты именно так говорил, верно?

– Но не Соламнийским Рыцарем, – откликнулся тот, глядя, как форель затихает в пальцах Рикали. Заметив, куда он смотрит, девушка размахнулась и выбросила рыбину на берег.

– И я не ревнива, – проворковала она, подходя вплотную к Грозному Волку. Пальчик полуэльфийки скользнул по его лицу, словно стирая ей одной заметное пятнышко грязи. – С какой стати мне ревновать?

Это случилось ранним утром. Дамон проснулся, убрал руку Рикали, лежащую на его груди, и осторожно, стараясь не потревожить сон девушки, отполз в сторону, направляясь к своей одежде.

Едва Грозный Волк успел надеть штаны, как волна чудовищной боли накрыла его с головой. С трудом удерживаясь, чтобы не рухнуть на землю, Дамон прижал руку к драконьей чешуйке, вросшей в его бедро, – ему показалось, что плоть раздирают острые когти. Дамон впился зубами в нижнюю губу, чтобы не закричать, продержаться хотя бы несколько минут, по прошлым приступам он знал, что скоро боль утихнет. Мгновенно Грозному Волку стало невыносимо жарко, кожа покрылась испариной, мышцы свело от напряжения.

Около двух лет назад умирающий Рыцарь Такхизис, сделал Дамону страшный подарок… Грозный Волк попытался удержать ускользающее сознание, но тут же начал падать в глубины своей памяти, пока не оказался на окруженной стеной деревьев поляне в Соламнии.

Он вновь стоял склонившись над раненым Рыцарем Тьмы, держа его руку в своей и пытаясь хоть как-то облегчить последние минуты уходящей жизни. Вновь рыцарь попросил Дамона снять с него кольчугу, я тот, выполнив просьбу, увидел сияющую красную чешуйку, вросшую в плоть под доспехом. Последним усилием рыцарь вырвал чешуйку из своей груди и прежде, чем Дамон понял, что происходит, вдавил ее туда, куда смог дотянуться, – в бедро Грозного Волка.

Чешуйка мгновенно приросла, и Дамону показалось, что к его коже приложили раскаленное добела тавро. Это было самое болезненное ощущение из всех когда-либо испытанных им. Тогда чешуйка была цвета свежей крови, и Великая Малистрикс, красная драконица, которая самолично вырвала эту пластинку брони из своего хвоста, могла посредством нее управлять людьми, как марионетками. Несколько месяцев спустя таинственный мглистый дракон и серебряная драконица по имени Сильвара провели над Дамоном древний магический обряд, который лишил Малис возможности контролировать Грозного Волка. Вскоре после этого у него начались приступы ужасной боли, но сначала они были редкими и непродолжительными.

Тогда Дамон посчитал, что лучше уж терпеть боль, чем быть марионеткой, управляемой чужой волей. Но в последнее время приступы стали чаще и продолжались дольше, а сама боль усилилась.

Проснувшись, Мэлдред сразу же увидел Дамона. Тот стоял, словно одеревенев, и смотрел в пространство невидящим, ничего не выражающим пустым взглядом.

Мэл потряс Грозного Волка за плечо, громко спрашивая, хорошо ли тот себя чувствует. Дамон не ответил, но его взгляд постепенно стал осмысленным, он несколько раз с трудом моргнул – боль медленно отпускала его сведенное судорогой тело – и потянулся к бурдюку на поясе Мэлдреда. Силач дал ему напиться – Дамон едва заставил свое пересохшее горло глотать воду.

– Так плохо? – спросил Мэл.

– Иногда. В последнее время, – ответил Грозный Волк, разминая ноги.

Кроме бледности, уже ничто не напоминало о приступе, в целом же Дамон выглядел просто прекрасно: царапины на его теле почти зажили; он был гладко выбрит; аккуратно причесанные волосы стягивала на затылке черная кожаная тесемка – подарок полуэльфийки. Без бороды и обрамления из всклокоченных волос лицо Грозного Волка казалось совсем юным.

Однако Мэлдреда эти внешние признаки обмануть не могли.

– Может быть, мы поищем целителя, который…

– Никакой целитель не в силах мне помочь. И ты это знаешь, – отмахнулся Дамон и поспешил сменить тему разговора. Он указал на мешки и мешочки, кисеты и кошельки, украденные им и его компаньонами, заявив: – Превосходный трофей, правда? Могу поспорить, что здесь целое состояние. – (Мэл кивнул.) – Золотые украшения, усыпанные драгоценными камнями, жемчуг и много-много стальных монет… Надеюсь, этого достаточно, чтобы купить…

– Недостаточно, – прервал его Мэлдред. – Совсем недостаточно. Я его хорошо знаю…

– Но… значит, госпиталь… риск… потраченное время… Все это впустую?

Силач покачал головой:

– Ты все сделал замечательно. Но кто же знал, что у Рыцарей Стального Легиона так мало денег и ценных вещей.

– Недостаточно… – потрясение повторил Дамон.

– Но, может быть, этих средств хватит, чтобы купить его аудиенцию…

Дамон не ответил, хмуро изучая землю под ногами. Мэлдред порылся в трофеях, развязал заплечный мешок, наполнил его мешочками с драгоценностями, насыпал в большой кошелек монет и передал все это Дамону. Затем подумал и добавил еще один мешочек.

– Лучше отдай их Рикали и Несуну. Им нужнее. – Грозный Волк указал на кобольда и полуэльфийку, устроившихся на ночлег в нескольких ярдах друг от друга, – Иначе мы никогда с этим не покончим. – Мгновение Дамон смотрел на умиротворенное лицо девушки, на ее вздрагивающие во сне ресницы, потом снова обернулся к Мэлдреду: – Ты еще долго позволишь им спать? Я знаю, Рики наплевать на всех гномов, вместе взятых, но я бы не был столь беззаботен. Особенно если помнить, что мы здорово насолили Рыцарям Стального Легиона. Они обязательно станут искать нас, чтобы отомстить.

Мэлдред поглядел в ту сторону, откуда они приехали. Сразу же за границей оазиса простиралась безжизненная земля, такая же сухая и неприветливая, как и любые пустынные земли.

– Друг мой, на много миль вокруг это – самое приятное место. Я мог бы проваляться под этим высоким деревом несколько дней подряд. Здесь куда прохладней и спокойней, чем там, где нам довелось побывать за последнее время. – Его лицо приобрело безмятежное, почти нежное выражение – силач следил за плывущим по течению листком. Впрочем, почти сразу Мэл вновь сосредоточился и нахмурился. – Стоит беспокоиться или нет, но бездельничать я им не позволю. Мы не можем задерживаться надолго где бы то ни было. Особенно в таком благословенном месте. Особенно после того, как умудрились перейти дорогу рыцарям. Но еще важнее то, что мы обязаны закончить начатое.

Дамон вскинул голову:

– У тебя уже есть план?

– Конечно, – кивнул силач.

Темные глаза Грозного Волка сверкнули.

– Каков бы он ни был, мы должны поторопиться?

– Именно.

Полуэльфийка вздохнула и так резко повернулась на спину, что ее тонкие руки взметнулись, словно крылья белой бабочки.

– И этот план… – начал Дамоном после того, как убедился, что Рикали все еще спит.

– Поможет нам получить во много раз больше, чем есть сейчас. Драгоценные камни, друг мой. Некоторые, может быть, размером с мой кулак. – Мэлдред широко улыбнулся, показав крупные жемчужно-белые зубы. – Мы ведь находимся недалеко от долины Торадина. Видишь, на северо-западе отсюда высокие острые пики?

– Подземные копи гномов?

– Так говорят. Нам потребуется неделя, чтобы добраться туда. Правда, может быть, и меньше, ведь теперь у нас великолепные лошади. Посмотри-ка туда… – указал он на узкую дорогу, лентой вьющуюся среди холмов. Пока Дамон вглядывался в указанном направлении, Мэлдред прицепил к поясу бурдюки и подогнал лямки перевязи гигантского двуручного меча. – Там мы сможем получить достаточно, чтобы купить все необходимое. Да еще и останется прилично.

– Это торговая дорога, – заявил наблюдательный Грозный Волк.

– Верно. И есть надежда, что нам встретится купеческий фургон. – В ореховых глазах силача запрыгали искорки смеха. – Мы же очень нуждаемся… А значит, все способы хороши, чтобы немного разбогатеть.

Глава 3
Неожиданная удача

– Я предпочел бы не убивать тебя, – произнес Мэлдред свою коронную фразу. Он стоял посреди хорошо укатанной дороги, идущей через сердце Халькистовых гор, обнаженный до пояса – рубашку силач снова повязал на бедрах. Полуденное солнце припекало, и на загорелой коже Мэла выступили бисеринки пота, периодически скатываясь по широкой груди и мощной спине в дорожную пыль и тут же высыхая. Легкий ветерок трепал его короткие рыжие волосы и завивал у сапог крошечные пыльные смерчи. Мэлдред перехватил влажными ладонями свой тяжелый двуручный меч так же легко, как если бы он был легкой веточкой, и направил острие на седого сутулого человека, который сидел на козлах бочкообразного крытого фургона. – Твоя смерть, старик, ничего мне не даст.

Старик что-то пробормотал себе под нос, еще крепче вцепился в поводья и недоверчиво воззрился на Мэлдреда, часто-часто моргая, как будто это могло заставить высокого человека, заступившего путь его фургону, исчезнуть.

– Быстрее! – приказал Мэл.

– Во имя ушедших Богов! Нет! – Он явно не верил, что такое могло приключиться именно с ним. – Только не это! Не может быть!

– Еще как может, – откликнулся Мэлдред. – Поверь, твое маленькое приключение не менее реально, чем это отвратительное засушливое лето.

– Дедушка, не слушай его! – раздался молодой голос, и из фургона неуклюже высунулась голова мальчишки-подростка. – Он же один! Что он может нам сделать!

– Ему придется послушаться, сынок. – Из-за валуна выступил Дамон с обнаженным палашом в руках, и солнце так ярко сверкнуло на лезвии, что старик на мгновение зажмурился. На днях Грозному Волку не повезло, он умудрился обгореть, поэтому кожа на его широких плечах и лице покраснела и шелушилась. Остальные части тела, влажные от пота, выдержали солнечные лучи и теперь казались вырезанными из блестящего кедрового дерева. Сейчас Дамоном выглядел настоящим дикарем, с обнаженными ногами и руками, с грудью, перечерченной частично зажившими шрамами, в остатках изодранных штанов, которые даже не могли прикрыть черную драконью чешуйку на бедре. С тех пор как Рикали наскучило нянчиться с ним. Грозный Волк не брился, и теперь его лицо было покрыто щетиной, обещающей скоро превратиться в бороду. Когда он по-волчьи поднял верхнюю губу, обнажив в оскале зубы, и сузил темные глаза, мальчишка задрожал.

Рикали выскользнула из-за камней с другой стороны дороги и выразительно махнула длинным кинжалом в сторону темнокожего человека, сидящего на козлах второго фургона. Несун рядом с ней зарычал и несколько раз рассек хупаком воздух, стараясь выглядеть как можно более грозным.

– Старик, сойди на землю и подними руки, – скомандовал Мэлдред. – Другим прикажи сделать то же самое. Ваши жизни стоят больше, чем то, что вы везете, поэтому попробуем договориться. И не заставляйте меня повторять второй раз…

Всего в обозе было три тяжелогруженых фургона, и в каждый запряжено по несколько крупных лошадей.

– Это шикарный подарок судьбы! – так нетерпеливо объявила Рикали, когда час назад вернулась из разведки с вестью о том, что впереди по дороге движется небольшой караван.

Старик судорожно сглотнул и бросил поводья. Он что-то прошептал внуку и на подгибающихся ногах спустился на землю, дрожа и опасливо переводя взгляд с Мэлдреда на несураз-

ного кобольда и обратно. Мальчишка последовал за дедом, прожигая Мэла гневным взглядом, но не забывая, однако, поглядывать на сверкающий палаш Дамона.

– Разбойники! – прохрипел старик, голос с трудом повиновался ему. – Никогда в жизни меня еще не грабили! Никогда! – Он откашлялся и сказал уже громче: – Делайте, как они говорят! Выходите все! – После этого старик испытующе посмотрел на Мэлдреда и добавил: – Но обещайте, что вы никому из моих людей не причините вреда! Слышите? Никому!

– Поднимите руки! – приказал Мэлдред и кивнул Дамону. Тот подошел к старику, снял с его пояса кинжал и отбросил подальше, не отводя глаз от мальчишки, бросающего на него злобные взгляды.

– Теперь становитесь туда! И чтоб вели себя тихо! – рявкнул Грозный Волк и указал острием палаша на обочину дороги, где серая стена скалы уходила ввысь, к безоблачному ярко-синему небу. – Даже дышите шепотом!

Несун бегал вдоль маленького обоза, не выпуская из рук хупака и то и дело пихая им в кого-нибудь из торговцев, чтобы те шевелились быстрее. Ему показалось, что мужчина из последнего фургона двигается недостаточно быстро, и кобольд, изображая из себя надсмотрщика, ударил человека под колени, а когда тот упал, нанес еще несколько быстрых ударов. Теперь он чувствовал себя очень важной персоной, совершенно необходимой общему делу.

Без своего плотного плаща, который Рикали выбросила, поскольку он во многих местах прогорел и насквозь пропах дымом, кобольд, несмотря на свой маленький рост, производил пугающее впечатление, а особенно на торговцев, которые в жизни не видели существ его расы. Увидев, что полная женщина лет сорока прижимает к груди холщовый мешок, Несун ткнул ее хупаком и тут же указал им вниз, давая понять, чтобы та положила свою ношу на землю. Она неистово помотала головой, только крепче сжимая мешок, и вдруг взвизгнула:

– Демон!

– Оставь ее, – приказала Рикали, подходя к Несуну, – Здесь найдется множество других занятных вещей. Позволь старому мешку оставить себе драгоценный старый мешок. – И она захихикала, довольная собственной остротой.

Полуэльфийка и кобольд вытолкали торговцев вперед. Всего их оказалось девять – восемь взрослых, не считая внука старика; двое обладали темной, как у Рига Мер-Крела, кожей – это были эрготианцы. Торговцы переговаривались, вполголоса выражая свои опасения и ругая разбойников. Громче всех выражал свое презрение седой старик.

– Позор! Даже не можете заработать себе на жизнь честным трудом! Позор на ваши головы! – сердито выговаривал он.

– Для нас и так достаточно честно, – бросила в ответ Рикали. Она выстроила торговцев в линию и теперь тщательно досматривала их. Внезапно ее тонкая рука с быстротой молнии вцепилась в темную руку одного из эрготианцев. – О! Серебряный браслет! Ну-ка, сними. Вот так. А теперь дай мне. Медленно и без глупостей. Ах, какая прелесть. – Она тут же примерила украшение, но браслет был слишком велик. Тогда девушка кликнула Несуна и велела ему закрепить браслет у нее на ноге, чуть выше кромки голенища.

– Все для тебя, Рики, дорогуша, – усмехаясь, сказал кобольд, выполняя ее просьбу.

Некоторые торговцы задохнулись от ужаса, услышав, что демон ко всему прочему еще и умеет разговаривать.

– Несун! – На этот раз кобольд понадобился Дамону. – Проверь фургоны. Внутри могут быть ловушки и мало ли что еще. Удостоверься, что все в порядке.

После этого Дамон вместе с Мэлдредом занялись горсткой измученных жарой и уже сломленных торговцев, которые теперь могли уповать только на милосердие членов странной шайки, захватившей их обоз.

Дамон, ухмыляясь, обыскивал эрготианца, в измученных глазах которого читалось: «Только дай мне повод – и я еще поборюсь».

– Мы не причиним вам вреда, – заверил торговцев Мэлдред.

Несмотря на то, что в его голосе прозвучали успокаивающие нотки, эрготианец продолжал смотреть на Дамона настороженно. Старик же расхрабрился и вновь принялся бранить силача:

– Не причините вреда? А ограбление, по-твоему, не вред? Вы собираетесь лишить нас всего имущества…

– Успокойся, Эбрил, – прошептала полная женщина. – Не надо сердить этих людей. Сам видел, у них на службе маленький демон…

Внезапно раздался гул, горы застонали, и земля содрогнулась. Раз… другой… Грохот усилился, земля дрожала все сильнее. Старик упал, а остальные, чтобы сохранить равновесие, ухватились друг за друга. Когда толчки прекратились, из-за полога переднего фургона высунулась голова Несуна, и кобольд разразился проклятиями на странном рычащем языке. Пронзительный голос напугал торговцев едва ли не больше, чем грохот землетрясения, а Несун все никак не мог остановиться и перемежал ругательства жалобами, а жалобы ругательствами. В конце концов, выяснилось, что в фургоне он пребольно ударился головой о большую корзину – это его и расстроило.

– Ничего, – утешил кобольда силач. – Это просто небольшое землетрясение. После Войны Хаоса такое в Халькистовых горах бывает часто…

– Это не землетрясение, – строго сказала полная женщина. – Это сама земля сердится на вас. Ограбить хороших людей! Вы разгневали Богов! – Она отступила на шаг и поежилась, словно запоздало испугавшись, что ее слова рассердят разбойников, которые куда ближе к ней, чем Боги.

Остальные торговцы тоже были напуганы, кроме старика, который продолжал бросать на своих обидчиков свирепые взгляды, но тут Мэлдред, не обращая на него внимания, заявил:

– Вы свободны. В двух днях пути отсюда, может немного дальше, находится оазис с речкой, где вы сможете отдохнуть и переночевать, прежде чем продолжать путь. – Он передал пленникам самый большой бурдюк. – Если вы будете тратить эту воду экономно, то на эти два дня вам хватит, а потом пополните запас. Двинетесь от оазиса по дороге на юг и рано или поздно попадете в один из гномских городов. Хотя, конечно, для пешего это далековато. Впрочем, что я говорю про города! Вы же, наверное, туда и направлялись. По этой дороге можно выехать либо к ним, либо к людским поселениям, которые лежат еще дальше к югу.

– Нет, они направлялись к побережью, – сказал Дамон и тонко улыбнулся, поймав полный ненависти взгляд мальчишки, по которому безошибочно определил, что попал в точку. Стоявшие рядом с парнем эрготианцы немного расслабились. «Надо же, и эти не поутихли», – подумал Грозный Волк. – Возможно, даже к Келин Ак-Фану, – продолжал он. – Очень похоже на то. Товаров у них слишком много… такое количество удобнее всего сразу продать капитану какого-нибудь судна. Причем вместе с фургонами и лошадьми.

– Вот и хорошо, – обрадовался Мэлдред. – Мы им помогли значительно сэкономить путь, не так ли? Побережье слишком далеко, а добираться до него по такой жаре просто самоубийственно.

– Да уж. Это мы всегда пожалуйста, – насмешливо сказала Рикали и, чтобы изобразить скромную готовность всегда помочь ближнему, принялась ковырять носком сапога дорожный щебень. – Ведь в самом деле, мы… – Она замолчала, поскольку увидела золотой блик под рукавом одного из эрготианцев, и скользнула к темнокожему мужчине, чтобы получше рассмотреть, что там блеснуло. В одно мгновение человек, который только что выглядел сломленным, рванулся вперед и сумел схватить девушку, рвануть к себе и обезоружить – оказалось, что он очень силен. В следующую секунду кинжал Рикали уже вдавился в ее собственное горло.

– Стой на месте, иначе она умрет, – прохрипел эрготианец.

– Отпусти ее! – отрывисто приказал Мэлдред. – Сейчас же!

– Не все торговцы легкая добыча! – возразил эрготианец. – Не все готовы отдать свои товары разбойникам! – (Второй эрготианец молча выдернул из скрытых под рубахой ножен два кинжала с волнистыми лезвиями.) – Мы много слышали о грабежах на дорогах, поэтому хорошенько подготовились! Теперь вы отправитесь обратно. Но сначала вы бросите свое оружие.

Мэлдред и Дамон не пошевелились и уж тем более не торопились выполнить приказ темнокожего человека.

– Если вы ее убьете, – презрительно бросил Дамон, – то очень нас обяжете. По крайней мере, она не будет участвовать в дележе добычи и нам достанется больше, – Он заметил, как перекосилось лицо Рикали, но спокойно продолжал: – К тому же в этом случае на нас наконец-то снизойдет благословенная тишина.

И тишина воцарилась – несколько долгих минут был слышен только шелест ветра в скалах. Наконец Дамон дернул плечом, подавая сигнал Мэлдреду, что он оценил возможности эрготианца и готов к бою.

Мэл плавно приблизился к темнокожим мужчинам, краем глаза наблюдая за другими торговцами.

– Ты будешь мертв прежде, чем перережешь ей горло, – медленно сказал он. – Это я обещаю. Но я действительно предпочел бы не убивать тебя и твоих спутников. Ведь наверняка у тебя где-то есть родные, которым бы хотелось видеть тебя живым. Лучше опусти оружие. Тогда ты останешься жив и еще увидишь завтрашний день…

Эрготианец с кинжалами-близнецами приготовился к атаке. Дамон дернулся в обманном маневре, и темнокожий сделал выпад в его сторону. В этот момент взлетел огромный меч Мэлдреда, срубая правую руку эрготианца вместе с кинжалом, как сухую ветку. Темнокожий мужчина рухнул на колени, вопя и пытаясь зажать обрубок здоровой рукой. На испуганных торговцев дождем посыпались алые капли.

Увидев, что произошло с его собратом, первый эрготианец надавил на кинжал, пытаясь привести в исполнение свою угрозу и перерезать Рикали горло, но полуэльфийка совершенно не собиралась умирать и потому действовала быстрее. Прежде чем эрготианец смог что-то сделать, Рикали обеими руками перехватила его лапищу и, навалившись всем весом, вывернула ее назад. Эрготианец, не ожидавший такой прыти от хрупкой девушки, пошатнулся, Рикали отпрыгнула в сторону, и Дамон, коротко размахнувшись, вонзил меч под ребра мужчины. Тот повалился на щебень дороги уже мертвым.

Полная женщина в ужасе закричала. Тогда мальчишка решил, что настал его звездный час. Он бросился к Мэлдреду – только пыль из-под ног взвилась – и прыгнул на его спину, обхватив руками мощную шею силача. Старик закрыл лицо руками и застонал, не в силах помочь внуку. Тем временем Рикали вернулась к трупу, забрала свой кинжал, сорвала с руки мертвого эрготианца золотой браслет и победоносно потрясла трофеем над головой.

Дамон, подняв окровавленный меч, наступал на торговцев.

– А ну встали, как стояли, – шипел он. – Иначе смерть. Я не такой милосердный, как мой большой друг, и не буду раздумывать, прежде чем прикончить любого из вас.

Те нехотя подчинились, со страхом наблюдая финал разыгравшейся перед ними трагедии. Старик тихо умолял, чтобы его внуку сохранили жизнь. Между тем мальчишка все еще висел на спине Мэлдреда, вцепившись руками в его шею, и изо всех сил молотил силача ногами. Однако Мэл, казалось, даже не замечает этого.

Рикали бросилась к ним, оторвала мальчишку от Мэлдреда, швырнула на землю и наступила на его живот каблуком сапога.

– Мне совсем не хочется, чтобы Мэлдред убил тебя, мальчик, – жутким свистящим шепотом сказала она, поводя перед носом юнца кинжалом. – Ведь потом он будет целыми днями стенать, что лишил столь юное существо жизни, которая, как он полагает, священна, и гово-

рить прочие глупости. Я лучше позову Дамона. Он без размышлений убьет тебя, сам не будет терзаться по этому поводу и убережет от терзаний Мэлдреда.

– Несун! – крикнул Дамон, вытирая меч о рубаху мертвого эрготианца. – Что там у тебя?

Из второго вагона высунулся кобольд. На его маленькой голове красовался нелепый темно-красный женский чепец.

– В первом фургоне полно одежды, – завопил Несун. – И вот этого. – Он указал на свой головной убор.

Ответом ему был радостный возглас Рикали.

– А в этом много всякой еды, выпивки и ве-ли-ко-леп-ных курительных трубок! – И он продемонстрировал дымящуюся трубку, чашечка которой была выполнена в виде бородатой головы. – И много-много табака! А еще там корзины… Но мне не открыть, они гвоздями забиты! – Кобольд спрыгнул на землю и бросился к третьему фургону. – Может быть, там они везут лучшее!

– Одежда – это хорошо, – сказала Рикали Дамону. – Тебе как раз необходимо переодеться. Да и тебе не помешает, – обратилась она к Мэлдреду. – Я-то всегда могу… – Тут девушка поморщилась – эрготианец с отрубленной рукой стонал все громче. – Замолчи! – Она прыгнула к раненому и ударила его рукоятью кинжала по голове. Тот рухнул, обливаясь кровью, алые ручейки быстро поползли к сапогам Рикали. Полуэльфийка обернулась к рыдающей женщине и резко сказала прямо в ее покрасневшее от слез лицо: – Если ты не хочешь, чтоб этот тип истек кровью, советую оторвать подол от твоей уродливой юбки и перевязать его культю. Да покрепче перетяни! И ему поможешь, и тебе в коротком платье будет легче – в такую-то жару! – Девушка круто развернулась и подошла к Дамону, шаркая по щебню, чтобы избавиться от крови, испятнавшей подошвы сапог. – Так вот, что касается новой одежды…

В этот момент от третьего фургона донеслись душераздирающие крики.

– Приглядите за ними, – велела Рикали Дамону и Мэлдреду приказным тоном, что ей ужасно понравилось. – А я взгляну, что там случилось у этого ничтожества. – Девушка бросилась на звук, и через мгновенье раздался ее собственный вопль: – Чудовище! Здесь ужасное чудовище?

Дамон, сохраняя пугающую неподвижность, окинул торговцев тяжелым взглядом из-под насупленных бровей. Те после разыгравшейся трагедии и не думали роптать. Тогда Грозный Волк взглянул на Мэлдреда и кивнул в сторону последнего фургона, показывая, что тут справится и один. Мэл кивнул в ответ и бросился туда, откуда раздавался визг Рикали.

Девушка, дрожа, стояла у фургона и с надеждой глядела на силача. Тот медленно откинул полог и осторожно заглянул внутрь. Рикали, стараясь держаться у него за спиной, сделала то же самое, продолжая сжимать в кулаке рукоять кинжала. Впрочем, это бы не сильно ей помогло, потому что лезвие у ее оружия отсутствовало. Несун в свою очередь прятался за спиной девушки. Все его тело было покрыто тонкими, сочащимися кровью царапинами.

– Свиньи! – В тихом голосе Рикали прорезалось плохо сдерживаемое бешенство. – Эти свиньи ничего нам не сказали! Там, внутри, какая-то невообразимая тварь. Хорошо еще, что связанная. – Девушка перевела разъяренный взгляд на торговцев и бессильно махнула в их сторону рукоятью кинжала.

– Это не чудовище, – быстро сказал один из них. – Это просто животное. Такой зверь. Пожалуйста, не трогайте его. Он не причинит вам вреда.

Дамон схватил мужчину за плечо и подтолкнул к фургону, а Мэлдред, едва тот подошел, почти закинул его внутрь. Тем временем Грозный Волк, предоставив пленников самим себе, а человека, говорившего о звере, оставив на попечение Мэла, занялся сапогами убитых эрготианцев и, примерив их, признал вполне подходящими для своей персоны.

Несколько минут спустя торговец, которого Мэл впихнул в фургон, спустился на землю, ведя за собой странное существо, на шею которого он накинул веревку. Тварь была размером

с крупного теленка, но напоминала скорее насекомое: у него было шесть покрытых хитином ног и подергивающиеся усики; черные глаза твари напоминали блюдца и вращались, словно оглядывая всех подряд и одновременно, маленький шевелящийся нос потянулся к Мэлдреду. Существо зафыркало, высунуло длинный фиолетовый язык и пробежалось им по выпуклым губам.

– Веди эту дрянь сюда, – распорядился Дамон. – А ты, Мэлдред, отойди подальше, Я слышал о таких тварях, когда был в Нераке. Они питаются железом.

– И эту мерзость повезло обнаружить именно мне, – пожаловалась Рикали. – Это был мой любимый кинжал, между прочим. Я его украла в прошлом году в Оплоте у одного важного аристократа. Он был такой сентиментальный…

Торговец вел существо к своим товарищам, словно собаку, и обращался с ним как с любимой собакой, бормоча всякие ласковые слова и называя Пушистиком.

– Если вы хотите, чтобы эта тварь осталась в живых, и если сами хотите жить… То немедленно уберетесь отсюда, – рявкнул Дамон. – Вы, все до одного, вместе со своим монстром. Пойдете, не оглядываясь и не делая резких движений. Повторяю, я не такой добренький, как мой большой друг, и прикончу любого из вас, не испытывая никаких угрызений совести.

Мальчишка схватил деда за руку и повел его вниз по дороге, за ними последовала полная женщина, все еще истерично всхлипывая. Двое мужчин помогли раненому эрготианцу подняться и понесли его на руках. Замыкал шествие мужчина, ведущий на веревке насекомоподобное животное.

– Эй, ты! А ну стой! – вдруг спохватилась Рикали. – Эта тварь чего-нибудь стоит?

Хозяин, не останавливаясь, покачал головой:

– Нет.

Рикали сузила глаза и в задумчивости поскребла подбородок – она никак не могла решить, должная мера почтения прозвучала в голосе торговца или нет. Подумав так несколько мгновений, она сорвалась с места и побежала догонять хозяина диковинного зверя.

– Раз зверь ничего не стоит, то, думаю, ты не будешь против того, чтобы оставить его нам.

Пробормотав что-то ласковым голосом, торговец подтянул животное поближе к себе.

– Пожалуйста… – жалобно сказал он. – Вы и так забрали все наши ценности. Не надо отнимать у меня Пушистика. Он – домашний любимец.

Рикали рванула веревку из рук торговца, оттолкнув его свободной рукой.

– Теперь он будет моим. Держу пари, за эту бестию можно выручить неплохие деньги. А поскольку он слопал мой любимый кинжал, который, кстати, был мне дорог как память, – девушка показала странному животному кулак, – то ему и возмещать мне ущерб. А ты ступай, ступай, – махнула она рукой в сторону спускающихся по дороге торговцев. – Поторопись за остальными, пока мы не решили продать тебя тоже. Ты ведь не настолько стар и уродлив, и в любом людоедском городе за тебя отвалят немало стальных монет. Иди!

Развернуть фургоны на узкой дороге, чтобы ехать в нужном направлении, было непросто. В то время как Мэлдред, Дамон и Несун возились с этим, Рикали осмотрела любителя пообедать железными предметами.

– Я собираюсь продать тебя, – сказала она зверю. – Получить за тебя много замечательных стальных кружочков и купить себе хорошенькие новые колечки. Многие захотят купить такое необычное животное. Сам знаешь, Пушистик, богачи просто жить не могут без всяких диковин. Но сначала тебе надо дать другое имя. Пожалуй, назову тебя Фиона. Хм… Мне это нравится! «Бестия по имени Фиона»!

– Мне кажется, этого тоже недостаточно… – задумчиво произнес Дамон. Он стоял в фургоне, рассматривая и перебирая товары. На некоторых предметах были клейма изготовивших их известных мастеров, что добавляло награбленному ценности, но в целом в обозе не было

ничего особенно дорогого, а значит, вся эта куча награбленного не могла решить стоящую перед ними проблему.

– Поверь, за все это добро можно выручить неплохие деньги, но, ты прав, встретиться с тем человеком оно не поможет, – откликнулся Мэлдред. – Придется все же ехать в Торадин… Но сначала нужно избавиться от товаров. Я знаю, здесь неподалеку есть разбойничий лагерь, где у нас все это охотно купят. Я ведь должен как-то расплатиться с Рикали и Несуном, чтобы они хоть ненадолго прекратили жаловаться на безденежье, – продолжал силач, проверяя упряжку. – Но учти, в городе мы могли бы получить больше.

– Нет, – Дамон поджал губы, его темные глаза сверкнули. – Нам нельзя рисковать. В городе можно столкнуться с людьми, которые видели этих торговцев, или с теми, которые уже видели нас.

– Согласен, – кивнул Мэлдред. – Тогда решено. Один из фургонов мы оставим себе, остальное продадим. Либо, если в разбойничьем лагере есть другие повозки и какая-нибудь из них мне понравится больше, продадим и его. Думаю, чтобы добраться до долины, нам необходимо еще какое-нибудь средство передвижения кроме лошадей.

– Да-да… Гномские копи и драгоценные камни… – Лицо Дамона стало серьезным, глаза горели вдохновением. Он поскреб щетину на подбородке и вдруг перехватил пристальный взгляд Мэлдреда. – Если мы выручим достаточно, чтобы ни в чем не нуждаться, то пока перестанем грабить торговцев. Между прочим, на моей памяти этот случай первый, когда караванщики не попробовали отбиться. И есть опасность, что в следующий раз мы нарвемся на наемников.

– Обожаю добрый бой! – воскликнул Несун, пританцовывая вокруг силача и вращая хупак. – Мы можем награбить еще! Правда же, Дамон? Ты ведь никогда не был против доброго боя!

Дамон не обратил на кобольда внимания и вскочил во второй фургон. Внутри была большая бочка с водой, и Грозный Волк, столкнув крышку, припал к живительной влаге. Пил он долго, а напившись, поплескал водой в лицо и на грудь, чтобы хоть немного освежиться. Затем он приступил к осмотру корзин, которые не смог открыть Несун. Мэлдред тем временем отвел их лошадей к последнему фургону и принялся привязывать их.

Прервал их очередной за этот полный событий день вопль.

Рикали стояла посреди дороги и отчаянно орала на любившего железо монстра, размахивая кулаками. Пряжек на ее сапогах не было, как не было и серебряного браслета на ее ноге, а также золотого браслета и колец на правой руке.

– Я убью его! – вопила девушка. – Прикончу проклятую тварь! Он сожрал все мои драгоценности!

Нос существа дергался, словно оно принюхивалось, длинный язык выскользнул изо рта и облизнул выступающие губы, тварь засеменила к Рикали, не сводя круглых глаз с колец; которые искрились на левой руке полуэльфийки.

– Дамон! – Девушка отшатнулась и ударила зверя своими длинными, остро заточенными ногтями. Существо издало сопящий звук и отскочило в сторону, при этом не переставая принюхиваться. – Дамон, иди сюда!

Но Грозный Волк не пошевелился, с улыбкой наблюдая за Рикали из фургона.

– Несун! – Кобольд, не раздумывая, бросился на зов, – На тебе нет ничего металлического! Забери эту дрянь отсюда, свяжи и засунь обратно туда, где ты ее нашел!

Несун, ворча, сделал то, что ему велела Рикали, – втащил существо, правда не без помощи Мэлдреда, обратно в фургон, стараясь держаться подальше от его шести ног и пасти, способной пережевать металл. Он и заметил, что эта повозка скреплена деревянными шипами и ни в ее конструкции, ни среди предметов внутри нет ничего железного.

– Ничего, – заверил его Мэлдред. – Ни этот фургон, ни это животное не задержатся у нас долго. И нам не следует задерживаться здесь.

Дамон ушел вперед по горной дороге, чтобы разведать, все ли спокойно, поскольку солнце уже начало опускаться за горизонт, озаряя Халькистовы горы мягким оранжевым светом. Дамон наслаждался одиночеством. Никто не изводил его пустыми разговорами, никто не задавал вопросов, на которые ему не хотелось отвечать. Рядом не было никого, кто бы испытывал потребность в общении с ним.

С тех пор как Грозный Волк оказался в компании Мэлдреда и Рикали, он часто уходил в разведку, как сделал это теперь. Он мог заметить в вечерней дымке любые препятствия, с тем, чтобы преодолеть их утром, и любых незнакомцев, которые бы могли потревожить их ночью. Это была не слишком высокая плата за минуты тишины и спокойствия.

Несмотря на приближающийся вечер, жара, казалось, только усилилась. Они уже поднялись довольно высоко в горы, поэтому воздух был разрежен, и дышать становилось труднее, однако Дамона это не слишком огорчало. Решив передохнуть, он забрался на плоскую скалу и вытащил из кармана пригоршню леденцов – Несун нашел маленький мешочек сластей в одном из фургонов, а Грозный Волк заметил это, прежде чем кобольд успел все слопать в одиночку, и проследил, чтобы леденцы были разделены на четыре равные части.

Дамон загляделся на заходящее солнце и простоял так несколько минут, глубоко дыша и смакуя чистый воздух, который был так же сладок, как и леденец на его языке. Потом он осмотрел дорогу – она оказалась достаточно широкой, чтобы мог проехать фургон. Чуть дальше, как и говорил Мэлдред, была развилка, откуда им следовало ехать на север. Человек, которого ему было так необходимо видеть, обитал на юге, но прежде, чем ехать туда, следовало раздобыть еще сокровищ.

Казалось, северной дорогой пользуются куда реже, чем южной. Тут и там на ней виднелись невысокие кусты, а колеи от колес местами были засыпаны настолько, что практически исчезали под наносами песка и щебня. Дамон сбежал со скалы и пошел на север. «Прогуляюсь-ка я дальше, – подумал он. – Хоть еще немного побуду один».

Не то чтобы ему не нравилась его теперешняя компания, просто он считал, что любой человек время от времени нуждается в одиночестве. Мэлдред стал его близким другом и напарником, а Несун обладал массой полезных и совершенно незаменимых качеств, которые могут покорить кого угодно. Рикали… Да, она совсем не была похожа на Ферил, эльфийку из племени Каганести, общество которой Грозный Волк предпочитал раньше и о которой часто вспоминал, но если не обращать внимания на избыток косметики на ее лице и постоянные капризы, то можно было признать, что Рикали – славная девушка. И она была рядом, а Ферил…

– Ушла… – сказал Дамон мягко. Он опустил глаза и замер, глядя на перо голубой сойки, которое лежало в пыли и трепетало на легком ветерке. У Ферил на лице была татуировка похожей формы и такого же цвета… Грозный Волк закрыл глаза, и перед его внутренним взором возникло горькое и вместе с тем сладостное видение – прекрасная смуглокожая эльфийка. Одной половине его сознания было мучительно жаль, что Диковатая Эльфийка сейчас где-то далеко. Но Дамон понимал, что Ферил не одобрила бы ни того, как он сейчас живет, ни того, чем он занимается. «Правда, Мэлдред бы, наверное, ей понравился», – подумал он.

Так, размышляя, он шел по дороге, миновал поворот, и тут остановился – часть сплошной скальной громады, тянувшейся по восточной стороне дороги, обрушилась и перегородила путь. Дамон нахмурился. «Вероятно, это результат землетрясений», – подумал он и начал решительно карабкаться на осыпь, намереваясь посмотреть, на какое расстояние простирается завал. Оказалось, осыпь не так и велика. Подумав, Грозный Волк решил, что расчистить путь трудно, но вполне возможно: «Мэлдред очень силен, и вдвоем мы справимся с завалом довольно быстро. А если будут помогать Рикали и Несун – то еще быстрее. Главное, чтобы дальше по дороге осыпей не было». Землетрясения беспокоили Дамона. Эта была та слепая

сила природы, которой он не мог противостоять. Но, поскольку он путешествовал в горах, с землетрясениями приходилось мириться, так же как и с их последствиями, вроде засыпанной дороги.

И вдруг Грозный Волк понял, что, пока он вернется в лагерь, пока объяснит друзьям сложившуюся ситуацию, пока они доберутся сюда и приступят к работе, стемнеет, а за этим завалом может оказаться следующий и еще, и еще – и они только потеряют время. Поэтому придется браться за дело самому. И Дамон начал расшвыривать камни. Тяжелая работа помогла ему забыть о Ферил и о многих других вещах, которые занимали его мысли до этого. Грозный Волк трудился до темноты и успел разобрать большую часть завала, пока жара не доконала его. Конечно, всех камней он убрать не смог, но все же оставалось совсем немного. Дамон очень устал, был голоден, а насквозь пропитавшаяся потом одежда липла к телу и не добавляла комфорта его ощущениям, поэтому он решил, что закончит утром, и отправился по дороге обратно, туда, где остановились его друзья.

Ночь не смягчила черт Дамона – кожа туго обтянула высокие скулы, в глазах плескалась таинственная темная вода, движения были слишком резкими. Грозный Волк то и дело потирал подбородок, и отросшая щетина издавала при этом тихий шелестящий звук. Иногда раздавался тихий зубовный скрежет, пальцы на рукояти меча то судорожно сжимались, то опять успокаивались – он вновь прокручивал в уме захват каравана, продажу награбленных товаров и потихоньку проклинал торговцев за то, что фургонов в обозе было мало, и за то, что в них не нашлось ничего особо ценного.

Они с Мэлдредом сидели возле небольшого костра, достаточно близко, чтобы видеть монеты, которые считали. Несун наблюдал за ними и лишь время от времени отвлекался, чтобы повернуть вертел, на котором жарилось мясо, а потом вновь подсаживался к друзьям, проверяя, не попытаются ли его обсчитать. До этого кобольд так же строго следил за дележом провизии, опасаясь, что его обманут. Рикали неподалеку примеряла одно платье за другим – при дележе товаров, которые были в фургонах, она набрала себе кучу одежды – и тщетно пыталась привлечь внимание Дамона.

– Вот так – правильно, – сообщил Мэлдред, когда монеты были разделены на четыре части и сложены в четыре кожаных мешочка, два из которых были явно больше, чем другие. Один из больших мешочков Мэл отдал Дамону, второй подвесил к своему поясу. – Все поделили. И пищу, и деньги.

– И выпивку, – добавил Дамон, отвлекаясь от своих мрачных мыслей. Он потянулся к кувшину с крепким напитком, который стоял в нескольких шагах, и надолго приложился к горлышку. – Замечательную выпивку!

– И новую одежду, дорогой друг, – подхватил Мэлдред. Он сменил свои кожаные штаны и рубаху на более легкую одежду – штаны и тунику лилейно-белого цвета. В фургонах нашлось не так много вещей, которые бы подошли силачу: две смены белья, еще одна рубаха, запасная, и плащ длиной чуть ниже колен. Хоть Мэл и был всего на несколько дюймов выше Дамона, но в плечах и груди шире, а его руки и ноги были слишком велики почти для всех рукавов и штанин.

У Дамона выбор был шире, но он подобрал себе одежду темных тонов, которая особенно шла к его подтянутой, стройной фигуре и удачно сочеталась с загорелой кожей и темными волосами. Рикали настояла, чтобы он взял себе еще и золотую цепь, и теперь, отражаясь в металле, по его груди танцевали блики костра.

Несуну могла подойти только детская одежда, и теперь кобольд щеголял в одежках небесно-голубого цвета с вышивкой из птичек и грибочков. К счастью, он смог подыскать еще и плащ с капюшоном цвета древесного угля, явно рассчитанный на кендера. Кобольд клялся, что поскольку он цивилизованное существо, то просто обязан носить плащ, как бы жарко в нем ни было. Впрочем, другие существа его расы совершенно не интересовались одеждой, и

всем было ясно, что Несун просто пытается скрыть, что принадлежит к роду кобольдов. Он же оправдывался, что просто хочет подобрать соответствующее одеяние и что ему вовсе не улыбается приехать в большой город в голубом костюмчике с детской вышивкой.

Сейчас кобольд готовился воспользоваться своим новым приобретением – «стариковской трубкой», как он назвал его. Он погладил всклокоченную бороду, вырезанную из дерева, набил трубку и зашевелил пальцами, выпевая простенькое заклинание. Табак тут же затлел, и Несун, закусив мундштук, с наслаждением затянулся.

Рикали полагала, что ей при дележе досталось самое лучшее – куча сорочек, юбок, шарфов и всяких женских безделушек. Она возилась со своими обновками с тех пор, как они сделали привал, и примеряла вещи снова и снова, пританцовывая под только ей слышную музыку.

Те вещи, которые не соответствовали ее представлениям о моде, то есть практически все, что было в фургонах, продали в разбойничьем лагере. Дамон ловко повел торговлю, и они выручили больше, чем предполагал Мэлдред. Продав и все три фургона, они купили другой, высокий, крытый просмоленной парусиной, которая не пропускала влагу. Когда Дамон поинтересовался у Мэлдреда, чем ему не угодили фургоны торговцев, силач заявил, что этот фургон намного крепче и лучше подходит для поездки в долину Торадина, чем те, которые они продали. Лошади также были проданы – Мэл сказал, что для их нового средства передвижения достаточно оставить всего двух.

– Дорога, по которой ты собрался ехать, очень узкая, – сказал Дамон силачу.

– Я знаю, я пользовался ею прежде. Это мой любимый путь к долине. По нему не так легко проехать, а я это ценю. Широкие тракты тем и неудобны, что по ним шляется слишком много народу.

– Так ты скажешь мне, наконец, что мы собираемся найти в этой долине? Алмазы?

– Именно.

– Что же ты раньше молчал!

– Я думал, что ты любишь сюрпризы. – Мэлдред усмехнулся, покачав головой, и снял с вертела кусок мяса. – Это будет большая прибыль, напарник. Конечно, если у нас все получится. Но без тебя я даже и не пытался бы. – (В глазах Дамона зажглись огоньки, и трудно было сказать, блики ли это костра или любопытство.) – Думаю, вместе мы это дело провернем легко. Все, что мы должны делать… – Тут силач заметил, что Рикали прислушивается к их разговору, и наклонился ближе к Дамону. – Думаю, детали мы обсудим, когда доберемся, – Он понизил голос так, что Грозному Волку пришлось напрячься, чтобы расслышать следующие слова силача, – Несун делает все, что мы ему говорим, и пойдет за нами куда угодно, если мы прикажем. Но Рикали нам не нужна. С ее-то характером… Да она нам все дело провалит. Ты мне веришь?

– Как самому себе, – ответил Дамон. – Но пусть она узнает об этом в последний момент.

Силач поднялся, потянулся и запрокинул голову, вглядываясь в ночное небо. Увидев падающую звезду, он пальцем проследил ее полет и сказал:

– Я тоже доверяю тебе как самому себе, друг мой. Я никогда не говорил ничего подобного никому. Но за те четыре месяца, как ты присоединился к нашей компании, я привык думать о тебе как о брате.

Дамон снова потянулся к кувшину, приложился к горлышку и несколько мгновений жадно глотал крепкий напиток, потом сказал:

– У меня было не слишком много друзей, которым я мог бы доверять так, как тебе.

Мэлдред усмехнулся:

– Я могу прочитать твои мысли, друг мой. О чем ты думаешь? О Палине Маджере и таинственной Золотой Луне? – Силач прекратил смотреть на звезды и перевел взгляд на Дамона. – Я могу сказать, что путешествия в их компании и по их воле закалили твой характер, Дамоном Грозный Волк. И объяснили тебе истинное значение дружбы.

– Возможно, – согласился Грозный Волк, поднимая кувшин. – За дружбу! – Он снова припал к горлышку, а когда оторвался, увидел, что силач пристально смотрит на него. Дамон ответил ему немигающим взглядом и ровным голосом сказал: – Я много рассказывал тебе о своем прошлом. А сам о тебе не знаю почти ничего.

– Да мне особо и нечего рассказывать. Я – вор, который балуется магией.

Мэлдред отошел от костра и растянулся на одеяле, закинув руки за голову. Несун, сделав последнюю затяжку, выбил табак, спрятал трубку за пазуху и, свернувшись клубочком в ногах Мэлдреда, немедленно засопел.

Дамон снял с вертела кусок мяса и принялся глубокомысленно жевать. Мясо странного существа по имени Пушистик оказалось вкусным и нежным. Дамон лично забил его сразу по возвращении из разведки – есть хотелось очень, а в бандитском лагере бестию никто купить не захотел, к тому же Пушистик успел слопать еще несколько драгоценностей Рикали.

– Как тебе моя новая одежда? – Рикали выскользнула из темноты и завертелась перед Грозным Волком, взмахивая перед его лицом чем-то легким и прозрачным.

– Очень даже ничего, – ответил он, глядя на девушку снизу вверх.

Лицо полуэльфийки было густо накрашено, на веках лежали тени цвета зрелой сливы, и в тон к ним была подобрана помада. Серебристые локоны она уложила в высокую прическу, заколов их нефритовой гребенкой, которую нашла в одном из фургонов, и облачилась в темно-зеленую атласную тунику. Все это казалось немного вычурным, немного искусственным, немного чрезмерным, но Рикали была в восторге.

– А как тебе я? Правда очень даже симпатичная?

Дамон кивнул и попытался встать, но девушка, задев его по лицу прозрачным шарфом, уже уселась рядом. Грозный Волк некоторое время смотрел на ее стройную, изящную фигурку, потом сказал:

– Ты очень симпатичная, Рики. – Он слегка улыбнулся. – И знаешь сама, и вовсе не нужно, чтобы это подтверждал еще и я.

Девушка помахала перед ним растопыренными пальцами, чтобы похвастаться новым кольцами, которые ей достались при дележе, потом попыталась заговорить о старинном жемчужном гарнитуре, который Дамон украл в госпитале, и о том, что эту добычу разделили несправедливо. Грозный Волк молчал. Тогда Рикали застрекотала, что ей все равно досталось немало украшений – и на пальчики, и на запястья, а один браслет – даже на лодыжку. При этом она пошевелила тонкими ступнями – сапоги полуэльфийка сменила на сандалии – и весело заявила, что особенно большое золотое кольцо приспособила на палец ноги.

– Ты не нуждаешься во всех этих… украшениях, – наконец произнес Дамон.

– Ах, милый, но мне они так нравятся, – Девушка взяла его руку и поцеловала как раз там, где был перстень с выложенной драгоценными камнями эмблемой Стального Легиона. – Мои безделушки легче нести, чем мешок с монетами. И они куда красивее, чем отчеканенные кружки стали, на них приятно смотреть. Но однажды я продам все это и куплю дом. Где-нибудь подальше от всех этих драконов и рыцарей и этой невыносимой жары. Думаю, на каком-нибудь острове, который будет обдувать легкий бриз, если лето выдастся слишком жарким. На прекрасном острове, где никогда не идет снег… Там будем только мы с тобой. Но если ты захочешь, мы иногда сможет приглашать Мэлдреда и Несуна, ну и кого-нибудь еще… – Рикали склонилась к Дамону и поцеловала его долгим поцелуем, так чтобы он мог ощутить терпкий аромат духов, которыми она обильно побрызгалась. – И возможно, у нас будет двое малышей… И мы, обнявшись, будем смотреть, как они растут. – Полуэльфийка нервно хихикнула и мелко задрожала. – Но не скоро, Дамон Грозный Волк. Я еще слишком молода для всего этого и сначала хочу посмотреть мир. – Она отбросила шарф и опять поцеловала Дамона, а когда отстранилась, личико ее было очень серьезным. – Скажи, что любишь меня. Грозный Волк.

– Я люблю тебя, Рики, – прозвучал ответ, но в голосе Дамона не было страсти, а его глаза упорно избегали испытующего взгляда девушки. Рикали задумчиво улыбнулась и откинула длинные волосы, упавшие на лоб.

– Когда-нибудь ты действительно будешь думать так.

Они легли, уютно устроившись в объятиях друг друга, но мысли Дамона были далеко. Он опять почувствовал, что чешуйка нагревается. Пока это было легкое, приятное тепло, но Грозный Волк знал, что в начале приступа чешуйка нагревается совсем чуть-чуть, словно успокаивая и одновременно дразня, а через несколько минут, иногда через час, тепло начинало усиливаться.

Дамон сжал зубы, пытаясь сосредоточиться на лежащем рядом теплом теле Рикали, почувствовать возбуждение, но ощутил только, как быстро нагревается чешуйка. Она уже обжигала, словно пожирая его плоть. Единственное, что слышал Грозный Волк, был оглушительный стук его сердца, громом отдающийся в ушах. Потом его окатило холодом, затем вновь нахлынул жар. Волны жара и холода распространялись от чешуйки по всему телу Дамона с каждым вздохом. Боль захлестывала его, отбирая последние крупицы сил и воли. Грозный Волк стиснул зубы, почувствовав, как они скрипнули, едва не раскрошившись, мышцы его рук и ног начали непроизвольно сокращаться.

Из глубин помутившегося сознания выплыла красная драконица, потом Рыцарь Тьмы, отдавший ему чешуйку как проклятие.

– Попробуешь избавиться от нее – и умрешь, – громовым шепотом, подобным хору разъяренных призраков, произнес рыцарь.

Потом Дамон увидел свою алебарду, которая раньше принадлежала ему, а теперь была у Рига. Алебарда вновь была в его руках и врубалась в грудь Джаспера Огненного Горна. Новое видение – его, Дамона, руки поднимают алебарду, остро отточенное лезвие вновь поражает Золотую Луну, и целительница падает замертво: он был уверен тогда, что убил ее. Грозный Волк вспомнил, что тогда в самом дальнем, неподвластном воле Малистрикс уголке его сознания вспыхнули ужас, жалость, тоска и непреодолимое желание умереть вместе с Золотой Луной, а лучше – вместо нее.

Боль усилилась, видения стали более четкими, и Дамон все смотрел и смотрел, заново переживая все те месяцы, которые прошли между тем днем, когда он получил «подарок» от Рыцаря Такхизис и до того мига, как Грозный Волк оказался в пещере мглистого дракона. Вновь серебряная драконица творила свои заклинания, и боль стала такой чудовищной, что Дамон провалился в черное небытие.

Очнулся Грозный Волк оттого, что Рикали прижималась к нему, целуя влажный лоб. Из ее глаз лились слезы, падая на его лицо, грудь, на пальцы, которые она сжимала в своей тонкой руке.

– Это пройдет, милый, – прошептала она.

– Конечно, – хрипло откликнулся он. – Так же, как и всегда.

Глава 4
Долина хаоса

– Неудивительно, Мэл, что ты заставил нас передвигаться ночью. Просто твой вредный характер не позволяет тебе признать, что ты и сам не знаешь, куда надо идти, – свистящим шепотом произнесла Рикали, и Мэлдреду показалось, что вокруг его головы закружился рой сердито жужжащих комаров. – Если бы я знала дорогу, то не позволила бы тебе водить нас кругами. И Дамон бы меня поддержал. Я бы рассказала ему, что к чему, и, уверяю, он бы меня выслушал. Тогда бы мы оказались уже далеко отсюда, в каком-нибудь уютном местечке, не таком сухом и жарком. И, между прочим, у меня предчувствие, что сейчас надо повернуть направо и…

– Ты можешь сказать, где мы сейчас находимся? – спросил Дамоном, глядя в упор на Мэлдреда. Он понимал, что силач не хочет открывать своим спутникам тайных путей, но теперь решил нажать на напарника и получить у него хотя бы небольшое количество информации об их секретной миссии.

Они спускались с горного склона и старались действовать как можно тише, но постоянные громкие жалобы полуэльфийки сводили на нет все их усилия. Мэлдред и Несун проверяли дорогу, Дамон и Рикали следовали за ними. Склон под их ногами был ненадежным, усыпанным острыми камнями, которые торчали вверх, словно скрюченные пальцы мертвецов, и затрудняли продвижение, а широкие участки сыпучего щебня всякий раз грозили снести путников к подножию, не интересуясь их собственными желаниями. Безлунная ночь окутывала маленький отряд, будто черный плащ, и лишь далеко на востоке небо было чуть более серым, обещая, что рассвет рано или поздно наступит.

– Право слово, – продолжала Рикали, немного успокоившись, – Мэл, ты делаешь невероятную глупость. Это самый паршивый план из всех, которые ты когда-либо выдумывал. Сначала Дамон похищает сокровища из госпиталя, а потом оказывается, что их нельзя поделить, как полагается. «Оно откроет нам двери» – вот что говорит этот тип. Значит, должна быть какая-то дверь, будь она проклята. Где дверь, я вас спрашиваю?!

– Так ты скажешь, где мы находимся? – повысил голос Дамон.

– Тсс! – одновременно шикнули на него Мэлдред и Несун.

Дамон остановился, наблюдая, как остальные трое продолжают спуск. Ему показалось, что друзья уходят в глубокую черную яму, пропасть, разверзшуюся под горой вместо долины. Даже через подошвы сапог он ощущал, как от земли, нагретой днем яростным солнцем, поднимается жар, однако чувствовал себя значительно лучше, чем в последнее время. За эти дни чешуйка ни разу не давала о себе знать, поэтому настроение Грозного Волка было настолько хорошим, что он готов был терпеть капризы Рикали и таинственность Мэлдреда.

Мэлдред шел вперед, решив не обращать внимания на угрожающий тон Дамона, Несун, то и дело поеживаясь, семенил за ним, но полуэльфийка довольно быстро остановилась, оглянулась на Грозного Волка и, раздраженно уперев руки в бока, подождала, пока тот подойдет. Тряхнув головой так, что копна ее светлых серебристых волос рассыпалась по плечам, девушка шепнула:

– Мы находимся к югу от Торадина, в самом сердце земель гномов. Удовлетворен? – И Рикали опять начала спуск, жестом приказав Грозному Волку следовать за ней.

– Я и так знаю это… дорогая, – откликнулся Дамон.

– В Долине Хаоса… – добавила она так тихо, что он должен был напрячь слух, чтобы расслышать слова Рикали. – Прямо посреди Долины Хаоса.

Когда Грозный Волк и полуэльфийка догнали Мэлдреда и Несуна, силач, указав на массивный валун, сообщил, что они прошли уже половину пути.

– Никогда не слышал такого названия, – пробормотал Дамоном. – Как ты сказала? Долина Хаоса?

– Это потому, что ты никогда здесь не бывал, – ответила Рикали. – И потому, что твоя голова всегда забита рыцарями, драконами, честью, долгом и прочей чепухой. А также… как бишь зовут эту женщину… Фионой! – Девушка сплюнула и ожгла Грозного Волка сердитым взглядом. – Мы здесь и погибнем. Сдохнем – и ветер устелет землю проклятой Долины Хаоса нашими костями.

Несун заметно нервничал, но старался не подавать виду, лишь крепче сжимал кисет с табаком.

– В этом месте властвуют гномы, – продолжала Рикали, совсем понизив голос. – А нам, по-моему, по горло хватило встреч с ними в Железном Шипе.

«Джаспер Огненный Горн… – подумал Дамон, отвечая рассеянным взглядом на пристальный взгляд девушки. – Он тоже был гномом. И, тем не менее, я считал его своим другом…»

– Свиньи… Здесь наверняка целая армия патрулей этих низкорослых грубых свиней.

– Патрули тут, конечно, есть. Куда ж без них… – наконец негромко сказал Мэлдред. – Но это не армия, и они не могут быть повсюду – долина слишком велика. Кроме того, гномы не владеют этой землей, а лишь претендуют на нее.

Грозный Волк бросил на Мэла красноречивый взгляд, в котором ясно читалось: «А какая разница?».

Силач вздохнул, огляделся и, запустив пятерню в густые волосы, посмотрел на того, как на несмышленого младенца:

– Дамон, Торадин постоянно воюет с Блотеном…

– С людоедами, – вставила Рикали.

– …за право владеть этой долиной. Борьба длится с незапамятных времен, но в последние десятилетия стала более жестокой и кровавой.

– Все из-за Войны Хаоса, – добавила полуэльфийка.

– Людоедам кажется, что их притязания законны, поскольку им принадлежит остальная часть этих гор. И они по-своему правы.

– Мэл, гномы то же самое полагают на свой счет.

– Впрочем, сейчас людоедам не до гномов. У них просто нет времени. Все их силы брошены на борьбу с потомками, драконидами и другими приспешниками черной драконицы, которые постоянно вторгаются на их исконные территории.

– А что в этой проклятой долине такого ценного? – спросил Дамон.

– Милый, подожди, пока взойдет солнце, – сказала Рикали. – И ты увидишь то, о чем другие всю жизнь смогут только слышать. Все мы увидим… А потом умрем.

Возле большого валуна они решили дожидаться утра. Рикали устроилась рядом с Дамоном и, положив голову на его плечо, велела:

– Разбуди меня на рассвете. Конечно, если раньше на нас не наткнутся гномы.

Глаза Мэлдреда тоже были закрыты, но Дамон был уверен, что силач не спит – его кадык дергался вверх-вниз, зубы время от времени мягко прищелкивали, пальцы опущенных рук бездумно перебирали мелкие камешки щебня. Несун, очевидно, задремывал, но тут же просыпался, отрывая голову от теплого бока валуна, и обводил троих спутников настороженным взглядом. Дамон дремал урывками, не погружаясь в глубокий сон, и в минуты бодрствования не забывал следить за силачом и кобольдом. Но когда несколько часов спустя солнце жаркими утренними лучами осветило долину, Несун оказался первым, кто увидел ее, и задохнулся от

изумления. Вторым был Дамон. Обычная равнодушная маска спала с его лица, в глазах вспыхнуло искренне изумление. Потеряв дар речи, он растолкал полуэльфийку.

– Забудь, что я говорила до этого, Мэл, – умиротворенным голосом произнесла Рикали и приложила ладонь козырьком ко лбу. – Идея была просто великолепной, и я счастлива, что ты привел нас сюда.

Крутые стены каньона были покрыты кристаллами всевозможных цветов, на которых буйствовали солнечные лучи, осыпая окрестности разноцветными бликами, так что становилось больно глазам. Долина напоминала огромный сверкающий калейдоскоп: аметистовые друзы переливались, меняя оттенки от нежно-розового до пурпурного и от лавандово-синего до глубокого фиолетового; блистали золотом хризолиты, мягкими желто-зелеными тонами светились оливины; устремлялись к солнцу пики горного хрусталя, льдисто мерцали алмазы и другие драгоценные камни, названия которым еще не успели придумать. Скалы, по которым путники спускались ночью, оказались усыпанными рубинами, опалами, турмалинами, топазами и гранатами. Здесь, в Долине Хаоса, собрались все драгоценные камни, которые только рождали земли Кринна, собрались вместе, хотя этого быть не могло.

Солнце пригревало все сильнее, и от земли, от сверкающих камней начал подниматься вверх теплый воздух, обещая, что скоро будет так же жарко, как и во все предыдущие дни.

Дамона поразила чистая, незамутненная красота этого места. Он зажмурился, а потом осторожно открыл глаза и, смаргивая слезы, долго смотрел на буйство красок – невероятно ярких, переливающихся тысячами оттенков, завораживающих.

– Просто дух захватывает… – восхищенно прошептала Рикали. Она потянулась к большому зеленому кристаллу, но, едва ее пальцы сомкнулись на сверкающих гранях, начала соскальзывать вниз. К счастью, Мэлдред, успех схватить ее за лодыжку и удержать. – Какой огромный изумруд… – Глаза девушки восхищенно расширились, и ей не было дела до того, что ее колени ободраны и кровоточат. Камень был лишь чуть темнее, чем тени, которыми вчера были накрашены ее веки. – Дух захватывает, – повторила она. – Как только выберемся отсюда, пойду к ювелиру. – Рикали сунула камень в карман и закружилась перед Мэлдредом, но силач остановил ее, прижав палец к губам.

– Я был здесь прежде, Рики, – начал он. – Несколько раз. Но тогда я рисковал только своей собственной шеей. Здесь действительно есть патрули. Я видел их. Но они сторожат вход в долину, задерживая тех, кто спускается по тропе и не заботится о том, что виден как на ладони. Поэтому мы спрятали фургон и лошадей…

– И шли ночью, – задумчиво сказал Несун. Его крошечные глазки вспыхивали, перебегая от одной друзы к другой, от одного кристалла к другому. Кобольд нигде не мог задержаться взглядом надолго – вокруг было слишком много прекрасных драгоценных камней – и от волнения задыхался.

– Мы можем избежать патрулей, – продолжал Мэлдред, – и рудокопов. Но придется быть осторожными, очень осторожными, чтобы не поднять тревогу. Рики права в одном – тех, кто охотится за сокровищами, гномы убивают.

Рикали, сунув руку в карман, пощелкала ногтями по граням изумруда и прошептала:

– Я буду очень-очень осторожной. И стану очень-очень богатой.

Мэлдред кивнул:

– Ничего страшного, если некоторые из этих камешков окажутся в твоих карманах. Можешь взять столько, сколько сможешь унести. Но не забывай, что мы проделали такой долгий путь и добрались сюда в первую очередь ради Дамона.

Девушка бросила на Грозного Волка любопытный взгляд и вопросительно подняла брови.

– Мы потом все объясним, – сказал Мэлдред.

– Нет, сейчас! – Голос полуэльфийки прозвучал громче, чем ей самой того бы хотелось.

– Мы должны собрать как можно больше – для него, – продолжал силач.

– А я продам эти сокровища, чтобы на вырученные деньги купить кое-что очень древнее и куда более ценное. Кое-что, что принесет нам немыслимую прибыль, – добавил Дамоном.

– Не могу себе представить, что может принести большую прибыль, чем это, – Рикали обвела рукой долину.

Мэлдред мягко усмехнулся:

– Значит, Рики, у тебя слишком слабое воображение.

Девушка нахмурилась и снова посмотрела на Дамона, но он был всецело поглощен созерцанием мерцающей красоты долины. Выражение лица полуэльфийки смягчилось, и она, задумчиво улыбаясь, произнесла:

– Ну, если только для Дамона. Для него – все что угодно.

– В конечном счете и для нас тоже, – добавил Мэлдред. – Мы набьем мешки самыми прекрасными драгоценными камнями, спрячем их за валунами, а когда стемнеет, перенесем в фургон. На это нам понадобится два дня. Во-первых, нельзя дольше искушать удачу, а во-вторых, фургон к этому времени будет забит мешками до верху, и мы сможем отправиться в Блотен.

– Просто прекрасно! Блотен – сердце людоедских владений! – зашипела Рикали, но в ее голосе слышалось меньше сарказма, чем обычно. – Дорогой, ты хочешь, чтобы все сокровища достались людоедам? А почему же ты сразу не сказал об этом, милый?

– Потому что ты не умеешь хранить секреты, дорогая.

– Пора приниматься за работу, – остановил их перепалку Мэлдред. – И помните, что надо быть предельно осторожными.

Силач по-пластунски выполз из-за валуна и начал спуск в долину, стараясь затеряться в тени других валунов и слиться с крупными кристаллами. Только добравшись до двух гранитных колонн, созданных самой природой и усыпанных вкраплениями аквамарина, Мэлдред позволил себе приподняться и сесть на корточки, устроившись между ними. Руки силач до запястий погрузил в почву, и вдруг в его горле опять зародился странный низкий звук, эхом заметавшись от колонны к колонне. Мэлдред сделал несколько круговых движений руками, перемешивая почву, и вдруг выдернул правую руку на поверхность, сжимая редкий розовый топаз величиной с его собственный кулак. Отложив камень в сторону, он продолжал свою магическую горловую песню и принялся извлекать из земли один драгоценный кристалл за другим, пока не устал. Прислонившись к колонне, чтобы восстановить силы, Мэлдред сорвал с пояса бурдюк и осушил его, после чего извлек холщовый мешок и тщательно сложил в него все топазы, которые добыл таким странным способом.

Несун прополз в другом направлении, но при этом не выпускал силача из виду – так ему казалось безопаснее. Кобольд был достаточно маленьким и, легко укрывшись среди невысоких камней, начал собирать кристаллы, внимательно осматривая каждый на предмет каких-либо недостатков. Те камни, которые не отвечали его высоким требованиям, Несун попросту отбрасывал в сторону. Вскоре карманы его голубенького детского костюмчика оказались набитыми до отказа – острые кристаллы выпирали, грозя в любой момент прорвать ткань. Только убедившись, что в карманы больше не удастся запихнуть ни единого камешка, кобольд со вздохом принялся наполнять мешки.

Рикали жестом пригласила Дамона следовать за нею. – Я знаю, что из этого действительно стоит дорого. Мэл и Несун просто ищут не там. Конечно, все эти камешки такие замечательные, что дух захватывает. – Девушка взяла Грозного Волка за руку, слегка царапнув острыми коготками его ладонь, и потянула южнее от того места, где собирали кристаллы силач и кобольд. – И все они имеют цену. Но кое-что цены не имеет, – Рикали и Дамон подобрались к узкой расселине и скользнули туда. Внутри было тенисто. Полуэльфийка глубоко вдохнула сладкий воздух и прижалась к груди Дамона, не отрывая глаз от танца цветов и оттенков. –

Хорошо, что Мэл не сказал мне, куда направляется. Я ни за что не согласилась бы идти с ним. Это правда. Сюда я не пошла бы даже за тобой, Дамон Грозный Волк. – Она усмехнулась. – Но я счастлива, что мы здесь. Это удивительное место. Не думаю, что гномы должны пользоваться им единолично. А ты не думай, что людоедам нужно что-нибудь из этого великолепия. Никто из этих уродов не сможет оценить такую красоту. Эта воинственная, грубая раса не заслуживает ничего изящного.

С тех пор как взошло солнце, Дамона не особо тянуло на разговоры – Грозный Волк был слишком потрясен открывшимся ему зрелищем.

Рикали толкнула его твердым локотком, пытаясь развеять очарование долины:

– А как ты собираешься использовать все это богатство? Я так поняла, что ты хочешь продать большую часть этого и купить что-то особенное, специально для себя? Разве может быть что-то лучше и дороже драгоценных камней? – Девушка взмахнула рукой в неопределенном жесте. – Ну, скажи, милый! У тебя не должно быть секретов от меня.

– Меч.

Рикали замолкла на мгновение, удивленная ответом Дамона, потом заговорила снова:

– Меч, который сделает всех нас богатыми? – Она сплюнула и покачала головой, – У тебя уже есть меч, который ты украл в госпитале. Вполне симпатичный. Как и украшения, которые ты тоже прихватил.

– Другой меч. Лучше.

– Никакой меч не стоит того, чтобы расплачиваться за него таким количеством драгоценных камней. – (Дамон окинул ее снисходительным взглядом.) – Хорошо. Где этот меч? Я помогу тебе украсть его. Мы с тобой легко сможем проникнуть в лагерь людоедов и так же незаметно ускользнуть. К тому же у тебя останется старый меч, а все эти прекрасные камни достанутся только нам.

– Кража – это слишком опасно.

– Более опасна, чем что? – Девушка вопросительно заглянула в лицо Дамону, по-детски выпятив нижнюю губу. – Должно быть, людоедский лагерь слишком велик. И ты не хочешь рассказать мне обо всем?… Нет, мне совершенно не нравится, что у тебя есть от меня секреты. Вот я ничего от тебя не скрываю, Дамон Грозный Волк. И никогда не скрывала. – Рикали развернулась, приблизив лицо вплотную к лицу Дамона. – Какие-то тайны тебе дороже меня, да, милый?

Грозный Волк не мигая смотрел вперед, его зрачки так сильно расширились, что заняли всю радужку, поэтому и без того темные глаза Дамона показались полуэльфийке необыкновенно глубокими, непостижимыми, полными тайн, завораживающими. Эти глаза притягивали ее и могли бы удерживать столько, сколько пожелает их хозяин. Рикали вдруг очень захотелось, чтобы Дамон немедленно посмотрел на нее.

Девушке было очень обидно, что внимание Грозного Волка привлекают кристаллы, а не она сама. Наконец он перевел взгляд на полуэльфийку и, словно избавившись от наваждения, начал задавать вопросы. Но и они касались не девушки, а долины. «Пробует отвлечься от мыслей о своей ноге», – со вздохом подумала Рикали.

– Эта долина возникла во время Войны Хаоса, – принялась рассказывать она. – По крайней мере, так болтают в тавернах. – Полуэльфийка кивнула на друзы, которыми поросло дно расселины, потом присела и принялась отламывать кристаллы. Каждый был осмотрен и спрятан в карман, выкинула она только несколько штук. – Тогда на этом месте были шахты. Не знаю почему, но они взорвались, и образовался каньон с бесценными кристаллами. Одни шахты принадлежали гномам, другие – людоедам. Они добывали немного опалов и время от времени серебро, но обе расы хотели расширять свои территории, а для этого добычу надо было увеличивать. Никто не знает, почему все эти драгоценные камни поднялись к поверхности и имеют ли к этому отношение гномы или людоеды. Но мне кажется, что Боги, прежде чем уйти, решили

дать им что-то такое, за что можно воевать. – Рикали махнула рукой и вздохнула: – Что-нибудь вот такое красивое.

– И? – В горле у Дамона пересохло, голос был хриплый. Рикали догадалась правильно – чешуйка на его бедре вновь начала теплеть, кожу вокруг нее покалывало, и Грозный Волк боролся с этими ощущениями, сконцентрировавшись взглядом на мерцающих кристаллах и впуская в свое сознание только голос полуэльфийки.

– Гномы тут же заявили, что долина полностью принадлежит им, людоеды утверждали то же самое – в общем, все как рассказывал Мэлдред. Каньон находится в Торадине, владениях гномов, но Торадин-то со всех сторон окружен владениями людоедов. Так что, кому должна достаться долина – непонятно. – Девушка положила ладонь, выгнутую чашечкой, на верхушку огромного топаза, словно подтверждая свои слова. – Но я согласна с Мэлом – гномов больше, чем людоедов, а людоеды слишком заняты черной драконицей и ее быстро распространяющимся болотом, чтобы сейчас заниматься долиной. Думаю, что победа останется за гномами – они шустрее. И каждый, от кого я слышала о Долине Хаоса, упоминал, что гномы это место охраняют. Жадные низкорослые бородатые твари! – Полуэльфийка снова сплюнула. – Сыта ими по горло!

– А что они делают со всеми этими драгоценными камнями? – Дамон выдавливал слова сквозь стиснутые зубы, непроизвольно сжимая кулаки.

– Гномы отправляют камни и минералы в Оплот и Нераку – туда идет самая богатая часть добычи. Гномы очень скупы, но и осторожны, они никогда не добывают слишком много за один раз, поэтому-то цены на драгоценные камни так высоки. Еще гномы выбрасывают на рынок уйму ничего не стоящих камешков, на которые богатые покупатели и смотреть не захотят. И сам понимаешь, как только повышается спрос – появляется предложение… По очень высокой цене…

Дамон кивнул. Его искренне интересовало все, о чем говорила Рикали, но слышать девушку становилось все труднее. Правая нога пылала, словно обложенная раскаленными углями, кровь молотами стучала в ушах, заглушая голос Рикали.

– Умные люди держатся подальше отсюда, и у них есть на то серьезные основания. Мне рассказывали, что в окрестных горах часто находят трупы тех, кто пытался пробраться в долину, изуродованные и искалеченные так, что даже родные не всегда могут узнать. Потому что головы торчат отдельно – на шестах. – Лицо девушки исказилось, – Я не хочу умирать, дорогой, но если бы я знала раньше, что рассказы не передавали и десятой доли здешней красоты, то уже давно рискнула бы жизнью, и не раз, а всю дюжину. Долина Хаоса стоит любого риска.

Рикали снова нагнулась и принялась когтистыми пальчиками перебирать камни под ногами и наконец, хихикнув, извлекла кристалл розового кварца размером с абрикос. Посмотрев кристалл на свет, чтобы солнце заиграло в гранях, девушка тихонько присвистнула и быстро сунула находку в карман.

– Конечно, он слишком мутный, – пояснила Рикали, – но зато имеет очень симпатичный оттенок. Думаю, если его хорошенько огранить, отполировать и подобрать красивую оправу, то на моей шее, особенно на золотой цепочке, этот камешек будет смотреться очень даже мило. Пойдем, дорогой, я покажу тебе, как определить, какие камни хорошие, а какие не очень, научу распознавать, какими они будут после огранки и полировки – красивее, чем теперь, или нет, расскажу, как находить недостатки…

Дамон не двигался. Он вжался в стену расселины и прикрыл глаза.

– Иди, Рики. Я догоню, – с трудом выдохнул он. – Иди дальше и набери самых лучших драгоценных камней, какие только здесь есть.

Полуэльфийка замолкла, ее плечи опустились, девушка даже немного сгорбилась. Она подошла вплотную к Дамону, обняла его и, глядя снизу вверх в лицо Грозного Волка, сказала:

– С последнего раза ты продержался без приступов пять дней. Ты справлялся с ними раньше, справишься и сейчас. И однажды ты избавишься от этого насовсем, – Девушка чувствовала, как напряжено тело Дамона, как дрожат его руки и ноги. Ей стало так жаль его, что слезы покатились из глаз. – Ты обязательно избавишься от этого, – сказала она. – Я это знаю точно. И тогда все будет хорошо. Главное, не думай об этом.

Рикали вытащила из кармана розовый кристалл и начала водить им перед лицом Грозного Волка, поворачивая то так, то эдак, стараясь, чтобы грани особенно эффектно сверкали в солнечных лучах, словно пытаясь загипнотизировать страдальца и уменьшить его боль. Дамон и сам хотел сосредоточиться на этом розовом сверкании, уговаривая себя думать только о красоте этого камня, о красоте Рикали, о красоте долины, но ногу жгло все сильнее, жар распространялся по телу испепеляющими волнами, и Грозный Волк с ужасом понял, что надвигающийся приступ обещает быть куда сильнее всех предыдущих.

Он попробовал сглотнуть, но в горле пересохло, попробовал переступить, но оказалось, что не в силах даже приподнять ногу, словно ее парализовало.

– Милый? – окликнула Рикали.

Дамон прижал ладонь к бедру, где под тканью дорогих черных брюк, найденных в торговом фургоне, пылала драконья чешуйка, и хрипло вскрикнул, отдернув обожженную руку: пластина драконьей брони была раскалена. Грозный Волк согнулся пополам от боли, и его иссохшее от боли и жара горло сумело выдавить только одно слово:

– Рики…

– Я здесь! – Девушка отбросила кристалл, мгновенно забыв о нем, и вцепилась в плечи Дамона, покрывая поцелуями его лицо. – Не сдавайся! – шептала она в самое ухо Грозного Волка. – Борись!

Дамон впился зубами в нижнюю губу, проклиная свою беспомощность – сейчас он был не сильнее больного ребенка. Рот его наполнился горечью, от которой никак не получалось избавиться, сожженные легкие отказывались втягивать воздух. Он смотрел мимо Рикали, пытаясь найти что-нибудь, на чем можно сосредоточиться, что-нибудь, что бы заняло его мысли и уменьшило боль.

Внезапно измученный разум Дамона прояснился, и он осознал, что видит странную картину: словно во сне, перед ним возникла стена мерцающих медных пластин, каждая из которых отражала его искаженное болью лицо – сотни и сотни его собственных лиц.

– Рики… – снова позвал он, с трудом поднял руку и заставил девушку обернуться. – Ты… видишь?

– Что?

– Чешуя… Дракон?

Полуэльфийка с дрожью огляделась, и вдруг ее взгляд остановился, а глаза изумленно расширились. Но смотрела она не туда, куда пытался указать Дамон, не в пространство расселины за своей спиной, а в бесконечную синеву летнего неба.

– Будь я проклята, милый! Дракон! Так высоко, что трудно разглядеть! Я бы никогда не заметила, если бы ты не сказал!

Девушка указала наверх, и видение перед глазами Дамона, заколебавшись, растаяло. Грозный Волк искоса взглянул туда, куда был направлен пальчик Рикали, и увидел сверкающее гибкое тело, которое снизилось, описав над долиной дугу, и снова взмыло вверх, поднимаясь все выше и выше, пока не исчезло из виду.

Мгновением позже чудовищная боль в его ноге исчезла.

– Это был медный дракон, Рики.

Девушка запрокинула голову, снова поглядев в небо, и возразила:

– Дракон летел слишком высоко и против солнца, поэтому невозможно было разглядеть, какой он.

– Это был медный дракон, – повторил Грозный Волк.

– Почему ты так решил?

– Я просто знаю это, вот и все.

Через несколько минут они покинули расселину. Дамона немного пошатывало после приступа, но он решил не обращать на это внимание и полностью переключился на сбор своей доли урожая кристаллов – они и так потеряли много времени.

Рикали, выбросив из головы их приключение в расселине, вытащила из-за пояса волнистый кинжал, позаимствованный у убитого эрготианца, и принялась орудовать им, сбивая кристаллы оливкового перидота. Затем она выбрала один из драгоценных камней и, поворачивая его грани к свету, начала объяснять Дамону, как определить особенности драгоценных камней, их достоинства, недостатки и цвет, пока кристаллы не обработаны.

Второе утро Несун встретил сидя перед плитой бледно-желтого кварца, по форме напоминающей надгробие с округлым верхом. Отшлифованная временем передняя поверхность плиты, словно зеркало из цветного стекла, отражала его вытянутое лицо, похожее на собачью морду.

Кобольд то вытягивал шею, восхищенно рассматривая отражающийся в зеркале сверкающий пейзаж, то хмуро оглядывал голубенький костюмчик с вышитыми птичками и грибочками, в который было облачено его отражение.

– Детская одежда, – прошипел он, оскорблено взирая на это безобразие. – Я ношу одежду человеческого ребенка. – Но через мгновение угрюмая гримаса сменилась широкой улыбкой, обнажившей все его мелкие острые желтоватые зубки. – Ребенок… Агу-агу.

Несун начал выпевать горловую мелодию так, как это делал Мэлдред, правда его пение было неуклюжим, фальшивым и больше походило на смесь жужжания с бульканьем. Чешуйчатые пальцы кобольда затанцевали в воздухе, как будто он дирижировал невидимым оркестром. Воздух вокруг задрожал, словно земля резко нагрелась, и вверх устремились потоки теплого воздуха, вокруг Несуна сгустилось мерцание, окутав его подобно кокону, искорки побежали по щекам кобольда, играя в пятнашки, то вспыхивая, то угасая. Он проглотил рвущийся наружу смех – ощущение магии щекотало его – и увеличил темп странной мелодии. Наконец Несун остановился, песня смолкла, яркие блики исчезли. Остался только ветер, играющий на кристаллах, словно на ксилофоне, отчего вокруг то и дело раздавался тихий перезвон. Кобольд снова обернулся к кварцевому зеркалу, и из его глубины на Несуна посмотрела не привычная собачья мордочка, а хорошенькое личико человеческого ребенка с белокурыми волосами и румяными щечками. Несун улыбнулся, и отражение показало ему голые розовые десны и два верхних зубика.

– Агу-агу, – сказал кобольд, сунул в рот большой палец, подмигнул отражению и счастливо засмеялся. – А что? У меня уже довольно хорошо получается, – похвалил он себя. – Жаль, Мэлдред этого не видел. – Несун оглянулся, дабы убедиться, что силач все еще находится в поле его зрения. – Нет, действительно хорошо получилось. – И он снова завел горловую песню, совершенно забыв о том, что должен собирать кристаллы, и полностью отдавшись магии.

Несколько минут спустя в зеркале отразился растерянный овражный гном.

– У дебя хорошо получается, и ды эдо здаешь, – гундосо сказал кобольд, подражая манере овражных гномов.

Следующим зеркало показало дряхлого кендера, седые волосы которого были собраны на макушке в толстый хвост.

– Ах, как неудачно, что я оставил свой хупак в фургоне, – посетовал Несун. – Это бы сделало образ законченным.

Но как кобольд ни старался, одежда на его «отражениях» оставалось той же.

Несун поэкспериментировал еще немного, проверяя, как долго у него получается удерживать маску, и решил, что между тем моментом, когда метаморфоза полностью завершена, и тем, когда появляется его настоящее лицо, проходит не менее десяти минут.

– Нет, у меня в самом деле получается великолепно, – довольно заявил он отражению, – В кого бы еще превратиться? Хм… О! Знаю!

Он опять сосредоточился и запел. Теперь мотив напоминал погребальную песнь, а пальцы кобольда трепетали прямо возле приоткрытого рта. Искорки на этот раз были темнее, светили глуше и собирались возле челюсти кобольда, которая, казалось, то раздувается, то опадает, из подбородка полезли пучки рыжих волос, которые становились все толще и длиннее, пока не превратились в густую темно-рыжую бороду. Брови Несуна тоже стали рыжими и разрослись на увеличившихся надбровьях над глазами, которые постепенно становились такими же большими и синими, как те сапфиры, которые лежали у него в мешке, собранные час назад. Нос кобольда раздулся, приобретя форму крупной луковицы, а чешуйчатая кожа стала менять оттенок на румяно-розовый, который только подчеркнули жемчужно-белые крупные зубы. Когда метаморфоза была полностью завершена, в кристалле отразился коренастый гном.

– Очень плохо, что Рикали не видит меня, – вслух размышлял Несун. – Она все время говорит, что до тошноты нагляделась на всяких гномов. Вот бы посмеялась!

В этот момент голубые глаза отражения еще больше расширились, и кобольд даже подавился – выше его лица в кварцевом зеркале отразилось лицо настоящего гнома. Его серо-стальные глаза были сужены, толстые пальцы сжимали древко боевого топора, лезвие которого медленно приближалось к голове Несуна.

– Мэл! – хриплым шепотом воскликнул кобольд, увертываясь.

Топор гнома рухнул в нескольких дюймах от головы Несуна и вдребезги разнес зеркало-кристалл. Осколки дождем посыпались на кобольда, и его личина начала исчезать, сползая с истинного лица, словно тающее масло. Топор снова взлетел, и Несун откатился в сторону от смертоносного лезвия, которое все же отхватило кусок его широкого рукава.

– Мэл! Мэл, на помощь! – Кобольд подпрыгнул, словно к его ногам были привязаны пружины, и рванулся вниз по склону, загребая щебень. Арбалетный болт свистнул у самого его уха, но Несун успел нырнуть за переливающийся островерхий кристалл. Рискнув выглянуть с другой стороны своего убежища, он пробормотал: – Четверо против одного. Четыре очень сердитых гнома – и я без моего хупака.

– Этот, должно быть, весит что-то около трех фунтов, ага? – предположила Рикали, передавая Дамону кристалл грушевидной формы и ровного бледно-желтого цвета.

– Что это? – спросил Дамон, принимая камень и взвешивая на ладони, после чего тщательно уложил его в холщовый мешок. Чтобы кристаллы не бились друг о друга и не обкалывались, он прокладывал каждый слой кусками ткани от разорванного плаща. У его ног стояли три полных мешка и еще три дюжины мешков уже были загружены в фургон.

– Цитрин, – ответила девушка. – Разновидность кварца. Он не такой ценный, как другие кварцы, которые мы собрали, но после обработки цитрин становится очень красивым. А этот, уверена, будет оценен дороже из-за его размера.

– Где ты столько узнала о драгоценных камнях?

Девушка улыбнулась:

– Дамон Грозный Волк, я очень рано поняла, что совсем не хочу быть такой же бедной, как мои родители, и присоединилась к малой воровской Гильдии. Мой отец вернее, и отец, и мать были полуэльфами. В общем, отец от меня отказался, заявив, что у меня слишком дурные наклонности. Сказал, что не одобряет моих взглядов на жизнь. Они были ужасно бедны, жили в деревушке на берегу залива Кровавого моря Истара. – Рикали покачала головой, как будто отгоняя неприятные воспоминания, но в ее глазах не было и тени сожаления. – Гильдия стала

моей школой. Там я научилась всему необходимому, чтобы стать богатой. Ну, как отличить неудачный драгоценный камень от удачного, как определить, в каком доме много ценностей, а в каком – нет, где лучше продать краденое, как обчищать карманы и срезать кошельки с пояса. Я бы все еще была там, если бы однажды не попробовала залезть в карман Мэла, когда он наведался в доки Оплота. Он поймал меня за руку… И знаешь, что сделал? Научил меня многим другим вещам. Грабить торговые фургоны, трясти толстосумов и никогда не задерживаться долго на одном месте. Теперь никакие привязанности не могут удержать меня. К тому же мне не надо отдавать Гильдии процент от доходов. – Полуэльфийка несколько секунд изучала лицо Грозного Волка. – А почему ты раньше не спрашивал?

Дамон пожал плечами:

– Я просто не хотел показаться любопытным.

Рикали отбросила обломок опала, набрала горку цитринов и передала Грозному Волку.

– Не удивляешься, что Мэл мог так поступить? – Она задумчиво осмотрела «заросли» кристаллов селенита в поисках силача. – Вон он идет.

Девушка несколько мгновений смотрела на Мэлдреда, наслаждаясь зрелищем его мускулистого торса, блестящего от пота, потом помахала ему. Но Мэлдред не смотрел в ее сторону – его взгляд была устремлен правее, а рука уже тянула из заплечных ножен тяжелый двуручный меч.

– У нас неприятности, – прошипела Рикали, ища взглядом то, что привлекло внимание Мэлдреда. – Похоже. большие неприятности. И их в очередной раз устроил Несун. У, ничтожество!

Дамон, подгоняемый полуэльфийкой, бросил мешки с драгоценными камнями на землю и заспешил к Мэлдреду, лавируя меж островерхих глыб селенита и на ходу вытаскивая из ножен палаш.

Едва Мэлдред прибежал на зов Несуна, как в поле зрения появились еще два гнома.

– Их уже полдюжины, – прорычал силач. – И будет еще больше, если мы не уберем этих достаточно быстро. Впрочем, все равно набегут еще. – Оценивающе глядя на противников, он приказал Несуну: – Иди вниз!

Увертываясь от свистящих арбалетных болтов, Мэлдред раскрутил тяжелый меч, парируя смертоносные жала. Болты, отлетая от лезвия, впивались в щебень и драгоценные кристаллы, выбивая из них каменную крошку. Приблизившись, силач вскинул оружие, защищая голову, и, на ходу ухватив горсть мелких камешков, швырнул в лицо оказавшемуся рядом противнику. Несколько острых осколков нашли свою цель, оставив на лице гнома кровавые отметины. Тот бросил арбалет и запоздало заслонился ладонями. Остальные гномы, тоже побросав арбалеты, взялись за боевые топоры и приготовились достойно встретить атаку Мэлдреда.

– У вас нет шансов победить меня! – закричал он, сокращая расстояние. – Бросайте оружие, и я сохраню вам жизнь!

Самый широкоплечий и коренастый из первых четырех гулко захохотал и смолк только тогда, когда Мэлдред налетел на них, обрушивая длинное лезвие. Меч рассек ближайшего гнома почти пополам. Силач мгновенно выдернул клинок из мертвого тела и, развернувшись, отбил топор второго гнома, заодно отрубив тому руку. Третий противник засеменил вверх по склону, громко призывая на помощь, – это был тот самый, что так насмешливо хохотал минуту назад. Последний гном, увидев, что остался в одиночестве, оскалил зубы и зарычал:

– Умри, пришелец!

– Жизнь бесценна, – наставительно сказал Мэлдред, поднимая меч. Мускулы его вздулись, вены набухли, – Ты очень глуп, если не понимаешь этого. – И силач вновь опустил разящее лезвие.

К тому времени как Дамон добежал до Мэлдреда, пятеро гномов были мертвы. Грозный Волк вложил палаш в ножны и, опустившись на колени, стащил с шеи одного из мертвецов

тяжелую цепь, на которой висела прекрасно выполненная подвеска с самым крупным бриллиантом из всех, какие Дамону приходилось когда-либо видеть. Надев украшение на собственную шею, Грозный Волк принялся обыскивать другие трупы, снимая с них драгоценные камни в золотых и серебряных оправах и рассовывая их по карманам.

Силач приложил ладонь ко лбу козырьком, прикрывая глаза от ярких бликов, которые разбрасывали кристаллы, и вглядывался в склон, высматривая, куда убежал последний гном.

– Солнце слепит, ничего не вижу, – сообщил он Дамону. – Но уверен, скоро у нас появится компания.

– Точно. Так что давай погрузим все, что собрали, и будем убираться. Причем быстро. Сейчас у нас достаточно сокровищ, чтобы купить не только меч, но и, если понадобится, весь Блотен.

Несун захватил свои мешки и, сгибаясь под их весом, начал медленно подниматься по склону горы. Мэлдред обернулся и посмотрел на то место, где он собирал кристаллы. Там его ждали два доверху наполненных драгоценными камнями мешка. «Очень быстро…» – мысленно поправил он Дамона.

Грозный Волк в обход возвращался к своим мешкам, наблюдая, как Рикали, не отвлекаясь ни на что, продолжает заполнять кристаллами один из них. Он отметил, что руки девушки по локоть в грязи, а туника прилипла к спине и потемнела от пота. Дамон торопился, все время оступаясь, и уже почти добрался до места, как вдруг воздух рассекли два арбалетных болта. Один из них свистнул над его плечом, пропоров рукав, другой вонзился в правое бедро, прямо в центр драконьей чешуйки.

Грозный Волк закричал от неожиданности и инстинктивно схватился за черенок болта.

– Попробуй избавиться от чешуйки – и ты умрешь прозвучал над ним голос давно умершего Рыцаря Тьмы.

Рыцарь исчез, оставив Дамона корчиться на склоне горы в Долине Кристаллов. Горестный возглас донесся до слуха Грозного Волка словно издалека, и лишь через некоторое время он смог осознать, что это рыдает полуэльфийка.

Едва Дамон упал, Рикали бросилась к нему, обхватила тонкими пальчиками торчащий из раны болт и принялась осторожно вытаскивать его.

– Мэлдред! Мэл! Помоги! – крикнула она и продолжала возиться с болтом, не обращая внимания на дюжину гномов, которые прекратили стрелять и теперь бежали по склону к лежащему мужчине и склонившейся над ним девушке.

Дамон очень хотел дышать и старался изо всех сил, но не мог. Чудовищный жар и мучительная боль охватили каждый дюйм его тела, сжигая, обугливая.

– Будь проклята эта чешуйка! – прохрипел он.

Через мгновение гномы уже были рядом и поднимали остро отточенные топоры, намереваясь расправиться с двумя чужеземцами. Рикали заслонила собой Дамона.

– Я говорила, что мы умрем здесь, дорогой, – пробормотала девушка, глядя, как медленно опускается топор ближайшего гнома. Раздался громкий лязг – лезвие топора ударилось о клинок Грозного Волка. Несмотря на боль, тот сумел подняться на ноги и успел отвести удар от полуэльфийки.

– Я не собираюсь сегодня умирать, – сказал он полуэльфийке, отодвигая ее в сторону.

Дамон коротко размахнулся, и его меч нашел первого противника, ударив того по рукам. В этот момент к ним подбежал Мэлдред, спешивший на помощь Рикали, и на этот раз он уже не тратил времени на предупреждения. Силач врезался в ряды врагов, раскручивая тяжелый двуручный меч.

– Всегда готов помочь, Рики! – крикнул он. – В любое время к твоим услугам!

Полуэльфийка выхватила волнистый кинжал и метнула его, так что лезвие глубоко вошло в горло гнома, заступившего ей путь и полагавшего, что с хрупкой девушкой справиться

намного проще, чем с ее высокими, широкоплечими спутниками, вооруженными длинными мечами.

Все гномы, несмотря на летнюю жару, были в тяжелых доспехах. Полуэльфийка выдернула кинжал из горла противника и переключила внимание на следующего врага. Мгновенно оценив слабые места в его броне, девушка глубоко вонзила свое оружие между пластинами доспеха.

Три гнома уже рухнули мертвыми под ноги Дамона и Мэлдреда, но один из них сумел на излете задеть силача лезвием топора. Он был самым высоким из всех и, очевидно, более сильным, поэтому остро заточенное железо вошло глубоко в руку Мэлдреда, который от неожиданности не сумел сдержать крика боли. Раненая рука плетью повисла вдоль тела, и силач вынужден был опустить свой огромный меч, не в силах удерживать его одной рукой.

Два гнома бросились на него с занесенными топорами, уверенные, что раненый великан – легкая добыча. Однако они жестоко ошиблись – здоровая рука Мэлдреда взметнулась с быстротой молнии, и крепкие пальцы сомкнулись на рукояти топора одного из противников, вывернув оружие у того из рук. Гномы не успели опомниться, как он занес свежеприобретенный топор и опустил лезвие на голову второго врага. Отточенное железо развалило шлем гнома и засело у него в черепе. Мэлдред выдернул топор и обернулся ко второму врагу, владельцу топора. Тот закричал, но удар силача быстро оборвал его крик.

Дамон легко справился со своим противником, вонзив меч в бок гнома между пластинами доспеха. Клинок застрял в ране, и Дамон, не тратя времени на то, чтобы освободить лезвие, подхватил топор одного из мертвецов и круговым ударом снес голову еще одному врагу. Из обрубка шеи ударил фонтан крови, кропя всех вокруг алыми брызгами. Когда все его противники полегли, Грозный Волк сумел вытащить свой палаш и всадил топор в грудь мертвеца, словно брезгуя дольше держать чужое оружие в руках.

Несмотря на то, что удача явно повернулась к ним спиной, оставшиеся гномы отступать не собирались. Внезапно один из них принялся судорожно сбивать пламя с загоревшейся бороды. Это был подарочек от Несуна, который только сейчас на своих коротких ножках смог добраться до друзей. Кобольд злобно оскалился и завопил, обращаясь к Рикали:

– Ну вот, а ты говорила! Да мое огненное заклинание – вещь незаменимая!

Но полуэльфийка не обратила на его крик никакого внимания, сосредоточившись на том, чтобы отражать атаки особенно коренастого гнома, на доспехе которого виднелись знаки отличия.

Мэлдред сразил одного гнома и как раз заносил оружие над головой другого, когда земля под его ногами вздрогнула. Сначала толчки были слабыми, но постепенно землетрясение усилилось, и даже маленькая, ловкая Рикали с трудом оставалась на ногах.

Дамон ударил мечом в бедро одного из своих противников и вдруг почувствовал, что рукоять палаша выскальзывает из его влажной от жары и усталости ладони. Грозный Волк приложил все силы, чтобы удержать оружие, с трудом выдернул меч из раны гнома, вложил в ножны, и тут резкий толчок выбил опору из-под его ног. Мгновение спустя Дамон уже катился по склону горы, не в силах остановить падение, сбивая собственным телом островерхие глыбы кварца, попадавшиеся на пути. Несун приник к земле, одной рукой вцепившись в большой камень, показавшийся кобольду надежным, а второй рукой крепко прижимая к груди мешок с кристаллами. Оставшиеся гномы и Мэлдред тоже не удержались на ногах и присоединились к Дамону, градом посыпавшись вниз, в долину.

– Дамон! – закричала Рикали. Она скользила по склону чуть позади Грозного Волка, стараясь увертываться от камней, усыпавших склон, и вскрикивая, когда особо острые осколки кристаллов впивались в ее тело.

Гора грохотала и тряслась. По склонам поползли трещины. Сначала они были тонкими, похожими на паутину вен, просвечивающих сквозь бледную кожу, потом начали расширяться,

пока не стали напоминать разинутые зубастые пасти чудовищ. Раздались дикие крики – это двух гномов поглотил растущий разлом.

Рикали почувствовала, что под ногами у нее разверзлась пустота, и начала соскальзывать в пропасть. Ее тонкие руки метались, ища, за что можно ухватиться, пока не нащупали острый скальный выступ. Девушка держалась из последних сил под частыми ударами мелких камней, водопадом сыплющихся по склону, дыхание с хрипом вырывалось из легких. Из пропасти выметнулось облако горячей пыли, грозя задушить полуэльфийку. Она закашлялась и долго пыталась проморгаться, а когда увидела, что творится вокруг, – задохнулась от ужаса. Трещины начали сходиться. Рикали судорожно дернулась и зашарила ногами по скале в поисках опоры. Мужчине-человеку, возможно, и не удалось бы выйти из этого положения, но Рикали была девушкой, в чьих жилах текла часть эльфийской крови. Маленькие чувствительные ступни нащупывали в камне такие крошечные выбоины, что никого другого они бы не выдержали, и начали подталкивать хозяйку вверх. Упав грудью на край выступа, девушка подтянулась и, буквально выдернув себя на поверхность, откатилась подальше от жуткой пропасти. Едва она успела это сделать, как трещина со страшным грохотом закрылась.

– Дамон! – завопила Рикали, не слыша собственного голоса: все звуки вокруг поглотил грохот землетрясения, такой сильный, что закладывало уши.

Тогда девушка поползла вниз по склону, отбрасывая с пути камни и куски кристаллов. Сердце Рикали заколотилось, когда она увидела тело Дамона, втиснутое между двух гранитных колонн. Мэлдред висел, вцепившись в одну из колонн здоровой рукой и зажмурившись, чтобы защитить их от летящих камней. Гномов, которые сорвались вместе с ним, нигде не было видно. От них остался только один шлем, который, словно нарочно, оказался надетым на острую верхушку кварцевой глыбы. Только Несун остался там, где был. Он все еще крепко держался за полузасыпанный камень одной рукой, а другой так же крепко сжимал мешок с драгоценными камнями. Рикали рванулась к колоннам, вскрикивая, когда ее нагонял какой-нибудь камень с кулак размером, не обращая внимания на все еще содрогающуюся почву.

И тут землетрясение прекратилось.

Девушка упала на колени рядом с Дамоном и, задыхаясь, позвала:

– Милый… – Она что-то услышала, хотя не была уверена, не показалось ли ей это. Слезы покатились по лицу девушки. Она ощупала Грозного Волка и, отняв руки, увидела, что они испятнаны кровью. – Милый… Пожалуйста… О, пожалуйста… – Рыдая, Рикали приложила ухо к его груди, потом поднесла сложенную чашечкой ладонь ко рту в надежде уловить хоть слабое дыхание. – Он жив! – закричала она через мгновение, обращаясь к Мэлдреду, который как раз отцепился от гранитного столба и рухнул возле девушки на колени. Силач был страшно избит, его раненая рука висела, рукав пропитался кровью. Но как бы сильно он ни был ранен, беспокойство Рикали о Дамоне было сильнее. – Помоги мне, Мэл. Дамону совсем плохо.

Девушка вновь занялась арбалетным болтом. Во время падения Дамона он сломался, и теперь над поверхностью чешуйки возвышалось лишь несколько дюймов черенка, к тому же остро заточенные ногти Рикали были сломаны, пальцы кровоточили, и она никак не могла справиться.

– Мэл! Я не могу это вытащить! – в отчаянии крикнула она силачу.

Тот жестом приказал девушке убрать руки, здоровой рукой разорвал штанину Дамона, чтобы чешуйка была открыта полностью, а затем, ворча, осторожно, чтобы не сорвать наконечник, но сильно потянул черенок.

Наконец болт был вытащен.

– Что же теперь делать, Мэл? – всхлипнула Рикали. – Я боюсь, что он умирает. – Руки девушки осторожно гладили лицо и грудь Грозного Волка. – Помоги ему, Мэл. Я люблю его. Действительно люблю. Не дай ему умереть, Мэл. Пожалуйста.

– Он не умирает, Рики, – Мэлдред покачал головой, борясь с волной головокружения, которая угрожала лишить его равновесия и отправить продолжать путь ко дну долины. Его рубаха была в темно-красных пятнах, а раненая рука так занемела, что силач не мог ею пошевелить, он потерял много крови. – Смотри, Дамон совсем не похож на умирающего. Он просто потерял сознание. – Силач указал на глубокую рваную царапину, пересекавшую лоб Грозного Волка. – Ударился о скалу и теперь без памяти. Не волнуйся, с ним все будет прекрасно. А вот со мной…

– Но ты же владеешь магией. Я сама видела, как ты исправлял разные вещи. А еще я знаю, что ты можешь излечить себя. Пожалуйста, давай убедимся, что с Дамоном все хорошо.

– Да, я могу починить вещь, Рики. Но не человека. Я вообще не могу влиять ни на что живое. – Рука Мэлдреда коснулась чешуйки, и большой палец задержался над раной. – Держу пари, что болт был заговорен, – сказал силач. – Иначе он бы не смог пробить драконью броню. Хорошо, что больше никого из нас не ранило.

– Меня это не заботит! – взорвалась Рикали. – Заговоренный болт или удачный выстрел – какая разница! Надо выбираться отсюда. Поехали, и все будет в порядке.

– Хорошо, Рики, я позабочусь о нем, – сказал Мэлдред тихо, едва слышно. Он посмотрел на склон горы, чтобы убедиться: Несун все еще там и гномы больше не появляются, затем перевел взгляд вниз, на Грозного Волка, и увидел, что из раны в центре чешуйки начала сочиться кровь. – Хорошо, – повторил он. – Возможно, я смогу вылечить Дамона. Но возможно и то, что мне придется сорвать с его ноги эту проклятую чешую!

– Нет! Если ты сделаешь это, он умрет. Лучше я помогу тебе вынести его наверх.

– Подожди. – Силач сконцентрировался на отверстии в драконьей чешуйке и начал свою странную песню, направляя магическую энергию в кровавое отверстие. Несколько минут спустя Мэлдред без сил привалился спиной к гранитной колонне. Там, где раньше было отверстие, на глянцевой поверхности чешуйки остался лишь матовый круг, зато земля под раненой рукой Мэлдреда быстро пропитывалась красным. – Я запечатал рану. Больше кровоточить не будет.

– Будь прокляты эти гномы! – сказала Рикали, склоняясь над Дамоном и касаясь пальцами его влажного лба, – И драконы тоже. Ты знаешь, что это работа драконицы? – указала она на чешуйку.

– Я догадывался, – Голос Мэлдреда потерял всю свою звучность и глубину. Голова силача кружилась, и он чувствовал себя ужасно слабым, – Я не знаю, как и почему, но эта сделала красная владычица.

Рикали внимательно посмотрела на Мэлдреда:

– Ого! Да тебе же значительно хуже, чем показалось на первый взгляд! Прости меня, я ужасная эгоистка. Ты потерял столько крови…

Не обращая внимания на трескотню полуэльфийки, Мэлдред поднялся на ноги и нагнулся, чтобы подхватить Дамона за плечи здоровой рукой. Новая волна головокружения захлестнула его, грозя бросить на землю.

– Ты должен отдохнуть, Мэл, – попыталась остановить его девушка. – Ты не должен много двигаться. Дамона могу нести я. Да-да, могу! Всем нам нужно…

– Мы должны убираться отсюда, – задыхаясь, возразил Мэлдред. – Ты сама это говорила минуту назад. Может быть, очень скоро сюда сбежится толпа гномов, чтобы разузнать, что землетрясение сделало с их обожаемой долиной. Лечиться будем потом, Рики. Если выберемся отсюда живыми.

Земля задрожала снова. Мэлдред удержался на ногах, а полуэльфийка, не среагировав вовремя, упала и ухватилась за гранитный столб. Их еще раз тряхнуло, затем все успокоилось.

– Ты идешь или будешь тут отдыхать? – спросил Мэлдред, пока полуэльфийка соображала, что произошло, затем повернулся и пошел вверх по склону.

По пути они нашли два мешка с драгоценными камнями, и Рикали взялась их нести, поскольку Мэлдред уверял, что с Дамоном справится и один. Он несколько раз спотыкался, но упорно продолжал идти вперед. За это время гора еще дважды грохотала, не то затихая, не то расходясь снова. Опасаясь, что в любой момент жуткое землетрясение повторится, силач и девушка заторопились.

– Смотри-ка, фургон на месте, – обрадовано воскликнула Рикали, увидев, что с их повозкой ничего не случилось. – А я думала, что эти свиньи непарнокопытные давно убежали, прихватив с собой все драгоценные камни.

Через мгновение девушка увидела, почему лошади остались на месте: большой валун упал прямо перед ними, преградив животным путь. Они не смогли бы убежать, даже если бы хотели. Мэлдред тем временем уложил Грозного Волка в повозку, сделав из мешковины подобие ложа, и укрыл его частью краденой одежды.

«К счастью, фургон почти не получил повреждений…» – подумал силач, обессилено опускаясь на колени и закрывая глаза. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но лишь захрипел и повалился на спину.

– Мэл! – Рикали попыталась поднять гиганта, но его огромное расслабленное тело было слишком тяжелым для хрупкой девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.